

МАКСИМ
РЕЗНИЧЕНКО

A dramatic, high-contrast photograph of a soldier in silhouette, perched on a stone ledge of a building. The soldier is holding a rifle and looking out over a city at night. The sky is filled with dark, heavy clouds, and a bright light source, possibly the moon, is visible behind the soldier. The overall mood is somber and tense.

Успеть
за правдой

Максим Геннадиевич Резниченко
Успеть за Правдой
Серия «Плетущие», книга 3

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8368152

Аннотация

Призраки и тени погибших не дадут ни секунды передышки. Охота продолжается. Ни грамма страха, ни тени сомнений – только так можно выжить. А Страж, исцеленный кровью Плетущего, станет его самым страшным и беспощадным оружием. И нет другого выхода, кроме как найти ту, с которой все началось. Найти и сделать все, чтобы разбудить ее.

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	56
Глава 4	68
Глава 5	89
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Максим Резниченко
Плетущие 3.
Успеть за Правдой

Часть 1

Вопросы без ответов

*Оглянись, незнакомый прохожий.
Мне твой взгляд неподкупный знаком.
Может я это, только моложе...
Не всегда мы себя узнаем.*

Н. Н. Добронравов

Глава 1

Я с трудом разлепил веки и уставился на нелепые обои в цветочек на потолке. Глаза сильно щипало, словно в них песка насыпали, и я снова закрыл их. До меня донесся шум, обычный городской шум – это через приоткрытую форточку. Я настолько отвык от этого звука, что некоторое время просто слушал его. Не открывая глаз, зашарил рукой по тумбочке, сбоку от кровати. Сотовый был там, где я оставил его ночью. Открыть глаза снова получилось гораздо легче. Щурясь и часто моргая, я поглядел на дисплей телефона. Множество неотвеченных звонков и непрочитанных текстовых сообщений. И кто же мне звонил? В списке значились: «Рыжий, Марина Яковлевна, Соня, Миша». Смысл всех сообщений сво-

дился к одному – «перезвони». С чего бы это такой переполох? Позже разберусь. Сперва нужно в себя прийти. Который час вообще? Часы в телефоне показывали половину десятого. Я с трудом встал с кровати и привычно припал на левую ногу. Стоп! Оглядев ее со всех сторон, я так и не нашел ни следа от того огромного синяка, который остался после знакомства с цефалоподом. Все еще сонный, я поплелся в ванную комнату, там умылся, почистил зубы и побрился. Нет, умывание не помогло – спать хотелось страшно. Проковылял на кухню и включил электрический чайник, хотя точно знал, что ни чай, ни кофе мне не помогут. Мне нужен был нормальный сон и отдых. Встав у окна, поглядел на улицу, где, несмотря на календарную осень, стояла самая настоящая зима: трава, деревья, машины, детская площадка во дворе – все было покрыто снегом. Лишь дороги чернели мокрым мерзлым асфальтом. Редкие прохожие были одеты по-зимнему тепло. Единственная радость – это солнце. Спрятавшись за крышу соседнего дома, оно робко оттуда светило. В его лучах искрился снег – значит, на улице был мороз.

Чайник закипел и со щелчком выключился. Я залил кипятком растворимый кофе, который щедро насыпал в чашку. Не люблю его, но искать чай в сумке не было никаких сил. Густой аромат быстрорастворимой бурды моментально заполнил кухню. Взял чашку и пошел в комнату. Где мой билет? Ага, вот он. Во сколько поезд? Вечером. Я размышлял всего секунду, потом снова пошел на кухню, вылил бурую

жидкость в раковину, сполоснул чашку и вернулся в комнату. Мне нужен отдых. Мертвый город высосал из меня все силы. Я выставил будильник на сотовом и завалился в остывшую постель. Не будет никаких снов, только отдых. С радостным не то облегчением, не то предвкушением я встретил накрывшее меня вмиг забытьё.

Я снова оказался в городе, но уже своем, том самом, где на восьмом этаже жилого дома находилась девушка, Плетушная. Неужели я настолько устал, что оказался не в состоянии контролировать собственные сновидения и вместо того, чтобы погрузиться в пустой сон, переместился сюда? Я начал процесс ухода, но почти сразу остановился. Проверка не должна занять много времени.

Влево и вправо тянулась улица, в низине за ней лежали трамвайные рельсы, а уже за ними – еще одна улица, нечетная сторона этой. Ночной город освещали огни уличных фонарей, да время от времени вверху, в низких тучах, вспыхивали беззвучные молнии. В отдалении появился человек. Я сразу узнал бегуна: спортивная одежда, глубоко надвинутый на лицо капюшон. На этот раз я не пропустил его, а шагнул навстречу и вскинул руку:

– Стой!

Он послушно замер. Я сделал еще шаг и оказался совсем рядом с ним.

– Привет.

В ответ лишь молчание. Я и сам толком не понимал, за-

чем с ним разговариваю. Он всего лишь часть пейзажа, как дома вокруг. Он иллюзия, тень реального человека, виденного мной наяву.

– Кто ты? – спросил его.

Бегун стоял, не шевелясь. Его лицо скрывала глубокая тень от низко надвинутого козырька кепки и капюшона кофты. Беззвучная молния вспыхнула наверху и на краткий миг выхватила из ночного мрака окружающий пейзаж. Я поднял руки, чтобы открыть лицо бегуна, и в этот миг он заговорил. Знакомый хрипловатый голос, полный мучительной боли, заставил меня задержать дыхание.

– Это все из-за тебя... Чтоб тебя твари сожрали...

В тени капюшона двумя колючими искрами сверкнули злые глаза, и я легко угадал очертания проявившегося, словно на фотобумаге, лица Угрюмого.

– Нашли время разборки устраивать! – вдруг совершенно другим голосом бросил бегун, а потом добавил: – Я не верю тебе. Я устала и хочу домой...

Мое сердце споткнулось, когда я узнал говорящего.

– Катя, – выдавил я вдруг пересохшим горлом. – Катя...

– Давай, мочи их! – Из-под капюшона на меня уже смотрел Семен, скалясь в злой гримасе.

Будто кто-то бередил еще не зажившую рану, вороша и тревожа ее. Слишком недавно все это было и не успело подернуться пеленой забвения. Слишком тяжело и больно оказалось терять друзей. В страхе и смятении я взирал на того,

кто так легко менял лица. Бегун поднял руку и сорвал с себя кепку и капюшон. Водопад неестественно светлых в царящем вокруг полумраке волос рассыпался по его плечам. На меня смотрели пронзительные голубые глаза, а упрямый локон все лез и лез прямо в них. Легкая улыбка тронула бледные губы. Я глядел, позабыв дышать, на то, как лицо Сони на глазах стало влажным от текущего по нему пота. У девушки подкосились ноги, и она завалилась на спину. Я успел подхватить ее. Бережно опустил легкое тельце на землю, не в силах поверить, что все это – лишь иллюзия, игра моего собственного воображения, израненного и измученного недавними потерями сознания. А девушка глядела на меня испуганно, она хотела что-то сказать. Какая-то муть застлала мне глаза, и я спешно смахнул с них предательскую влагу.

– Соня... Сонечка... – взял ее голову и уложил себе на колени. – Прости...

Призрак исчез несколько минут назад, а я все сидел на асфальте, не в силах собраться с мыслями. Они, потерянные и тоскливые, метались в голове, лихорадочно сталкиваясь, и пугливо отскакивая друг от друга. Через несколько минут, уже почти полностью успокоившись, я нашел в себе силы подняться на ноги, чтобы отправиться в дальнейший путь. И я отправился, что мне еще оставалось делать? Когда моя цель, высокое, шестнадцатизэтажное здание, оказалось совсем рядом, я пришел в себя окончательно. По крайней мере, я искренне в это верил.

Что-то, слабо звякнув, вылетело из-под ног. Я остановился, нагнулся и в этот раз поднял с асфальта монету. До шестнадцатизэтажного дома оставалось не более полусотни метров. Оно слепыми окнами следило за мной, а беззвучные молнии на краткие мгновенья выхватывали из ночного мрака его высокие стены. Вот и подъезд. Поднялся по ступеням, зашел в парадное и свернул направо, на лестницу. Экономя силы, я не спеша поднимался по ступеням. Пятый этаж. Я резко остановился, потому что дорогу преградили люди, занявшие подъем. Они плотной толпой собрались на лестнице, отрезав путь наверх. Их было не больше десятка... нет, больше – они сгрудились и пролетом выше. С некоторым усилием я вспомнил, что видел их прежде, но где? Их обнаженные торсы были расписаны замысловатыми татуировками, а в руках они сжимали что-то, напоминающее не то колесо от допотопной телеги, не то штурвал морского судна, но со стальным клинком. Люди уставились на меня без эмоций.

– Мне нужно наверх, – обратился я к ним.

– Путь закрыт, – тотчас ответил тот из них, что стоял ко мне ближе всех.

Наконец, я вспомнил, где видел раньше этих людей, хотя от людей у них только внешность. Их привел с собой Старик. Они помогали отражать нападение тварей в сне моего друга, Миши. А оружие, что они держали, называется хатисами. Когда это было? Два дня назад... Да? А кажется, что с тех пор прошла целая вечность. Они твари, но у них был

хозяин – тот самый Старик, что так позорно бежал с поля боя. И если здесь были они, значит, и их создатель должен быть где-то неподалеку. Мише снился сон, схожий с моим, в котором тоже присутствовала женщина с цифрами на лбу. Старик со своими тварями появился там, когда у нее на лбу горела «единица». Для той, что снится мне, было еще слишком рано. Неужели Старик привел сюда свои создания, чтобы отразить нападение очередных тварей? Как же не вовремя! Я слишком устал для схватки. Я устал настолько, что не удосужился даже проверить это здание, прежде чем войти в него. Я не «созерцал», иначе был бы готов к встрече с этими аборигенами. Но теперь, несмотря ни на что, их предводитель не уйдет без ответов на мои вопросы. В прошлый раз он объяснил свое появление тем, что хотел защитить душу женщины от демонов, а сам он якобы был шаманом из соседнего селения... Кажется, я начал запутываться в собственных мыслях, поэтому оставил все размышления на потом. Сейчас мне нужно было добраться до Плетущей на восьмом этаже. И найти Старика, хозяина этих человекоподобных тварей, раз уж судьба снова свела нас.

– Что вы делаете здесь? – я спросил того, кто ответил мне на предыдущий вопрос.

– Ждем хозяина, – и добавил: – Путь закрыт.

– Но еще слишком рано. Время еще не пришло, – сказал ему, сам толком не понимая, зачем, ведь твари не способны отступать от приказа, если таковой получили.

Тварь в человеческом облике смотрела мимо меня, но, к моему удивлению, ответила:

– Время пришло, – и снова: – Путь закрыт.

Во мне проснулось глухое раздражение и недовольно заворчал.

– Когда явится ваш хозяин?

– Скоро. Путь закрыт.

– Вы пропустите меня?

– Путь закрыт, – как заведенный повторил воин.

Тупое раздражение переросло в злость, но я сдержался и все также спокойно спросил:

– Почему вы здесь?

– Так велел хозяин. Путь закрыт.

– Откуда вы пришли?

Отвечающий запнулся, но через секунду снова ответил, что путь закрыт.

– Кто вы?

– Защитники. Путь...

– Кого вы защищаете? – я не дал ему закончить.

– Хозяина. Путь закрыт.

– Кто ваш хозяин?

– Человек. Путь закрыт.

Что-то отвлекло меня, и я не сразу понял, что именно. Какой-то гул на грани слышимости, скорее вибрация, совсем рядом. Что-то щипало меня за ногу, я моментально оглянулся, но никого рядом не было. Запоздало до меня дошло,

что это что-то не просто щипалось или даже кусалось за ногу в районе бедра, а ощутимо грело ее, почти обжигало. Я спешно засунул руку в карман брюк и вытащил металлический кругляш монеты, которую подобрал на земле недалеко от этого дома. Воины на ступенях подобрались и напряглись от моих резких движений. Не спеша, сделал несколько шагов назад, сойдя со ступеней и остановившись на неширокой межэтажной площадке. Твари остались стоять на прежнем месте, но внимательно за мной следили. Я оборвал навязчивую вибрацию, ответив на вызов неизвестного. В настороженной тишине лестничных пролетов четко и ясно зазвучал знакомый голос, который мог слышать только я. Выговаривая каждый слог, каждую букву, он отчеканил:

– Сейчас. Разворачивайся и уходи. Не медли. А еще лучше – уходи из этого сна, – короткая заминка. – Верь мне.

Неожиданные слова несли отчетливое и недвусмысленное предостережение. Это дикость! Я в своем сне. В своем! Я здесь хозяин и повелитель! Как мне могут помешать, чем мне могут угрожать эти твари в облике полуголых туземцев? Пусть они мастерски владеют своим оружием, пусть у них будет хоть по десять рук, в каждой из которых будет по хатису, пусть их будет хоть тысяча. Они не в состоянии всерьез угрожать Плетущему.

Тем не менее, после первых же услышанных слов мои ноги, будто лучше меня самого зная, что делать, шагнули назад, нашли ступеньку, ступили на нее, нашли следующую. А

воины, неподвижно стоящие на лестнице и отвечавшие на мои вопросы с терпеливым автоматизмом оператора какого-нибудь кол-центра, вдруг все, как один, пришли в движение. Они держали дистанцию и спускались по ступеням вслед за мной. Нас отделяла половина лестничного пролета. Я прервал контакт, не ответив на предупреждение, и воины замерли, вперив в меня свои темные глаза. Жутко. Да что это такое?! Кого я боюсь? Зарождающаяся злость, прогнав усталость, уже не роптала глухо, она требовала выхода, она требовала действий. А внутренний голос, моя интуиция, захлебывающимся от тревоги шепотом настойчиво шипела:

– Убирайся отсюда! Быстро! Убирайся!

Ей ответил голос разума, расчетливого и холодного:

– Это всего лишь твари, и они в моем сне. Я сделаю с ними все, что захочу. И с их хозяином – тоже.

– Глупец! Ты даже не знаешь, сколько их здесь на самом деле! И не будешь ты делать с ними, что захочешь, потому что на восьмом этаже находится Плетущая, которая может пострадать, если ты решишь работать всерьез – ты же не на улице!

Я не мог не признать, что и в самом деле был не готов к бою, потому что элементарно не проверил численность противника, но разве это проблема? Перед тем, как «созерцать», я снова обратился к воинам:

– Для чего здесь должен появиться ваш хозяин?

Я ожидал услышать в ответ что угодно, но на этот раз

мне ответила только угрюмая тишина. Ясно услышал, как под чьими-то пальцами закрипела кожа, которой были обтянуты ручки хатиса. Твари глядели на меня сейчас так, как обычно смотрю на тварей я – в прорез прицельной планки – на мишень. Интуиция уже благим матом орала, заставляя бежать отсюда, как можно дальше и не возвращаться, пока не буду готов. Но разве сейчас я был не готов?

Все пространство перед и надо мной закрубило чернильной тьмой, когда я огляделся вокруг, «созерцая». Сколько же здесь этих тварей? Я быстро сморгнул, возвращая обычное зрение, а уже через несколько ударов сердца мои руки сжали автомат. Угрожающий нечеловеческий рык из десятка глоток разорвал тишину в ключья, и у меня от него все внутри сжалось в ледяной ком. В следующую секунду толпа воинов вздрогнула – твари пришли в движение. Проклятье! Особо не целясь, я выпустил в них короткую очередь, развернулся и бросился вниз. Перепрыгивая через несколько ступеней сразу, я несея по лестнице, молясь только о том, чтобы уставшие ноги не подвели, а руки цепко держались за перила. Я быстро отогнал мелькнувшую самоубийственную мысль остановиться и принять бой. Твари слишком близко, и они слишком быстры. К тому же, тесно прижатые друг к другу лестничные пролеты дадут возможность нападающим отрезать мне путь к отступлению, если те перелезут через невысокие перила. Топот множества ног за спиной подстегивал куда лучше, чем золотая медаль – олимпий-

ского спортсмена, и я бежал быстро, как только мог. Не было смелости в том, чтобы глупо погибнуть. Но и просто так бежать – тоже не дело. Внезапная мысль, отголосок воспоминаний о недавних событиях, подсказала идею. Почему бы и нет? Мне пришлось сбавить темп бега, потому что больше я не держался за перила. Прямо на ходу из моих рук начали выпадать небольшие предметы, обтянутые плотным полиэтиленом зеленого цвета. Мины-лепестки в свою натуральную, а не в ту, что я использовал против скорпионов, величину, щедро усеяли мой путь. Первый разрыв прогремел практически за спиной, и я едва не споткнулся от неожиданности. Перед глазами мелькнула цифра «два» на стене, на очередной лестничной площадке. Взрывы, больше похожие на громкие хлопки, звучали теперь непрерывно, но криков боли слышно не было, хотя взрыв такой мины отрывает ступню. До первого этажа остался один лестничный пролет. Я проскочил его за секунды и, оказавшись внизу, развернулся, «доставая» Печенег. У меня за спиной стена, слева – выход к лифтовой площадке и дверь парадного, ведущая на улицу, она приоткрыта, но замка на ней никакого нет, что хорошо – не придется с ним возиться, чтобы выбраться наружу. Первые твари появились на лестнице, едва я успел передернуть затвор. Они двигались быстро, но недостаточно, чтобы уклониться от пуль. Я вдавил спусковой крючок, испытал невероятное облегчение – больше не нужно было убегать! Грохот пулеметной очереди оглушительно загремел в замкну-

том пространстве лестничного колодца. Злые пули буквально подбросили в воздух первую показавшуюся тварь и отшвырнули ее на стену. Новые воины ни на миг не остановились и с яростью камикадзе полезли под свинцовую смерть. Уши моментально заложило, но я этого не заметил и даже закричал что-то радостно и зло. Тела убитых созданий почти сразу исчезали, но меньше их не становилось. Твари пытались спрыгивать со второго этажа, протиснувшись между перилами, но я убивал их еще в воздухе. Я уже не кричал и старался расходовать боезапас экономнее. Я даже испугался, что пулеметной ленты на двести патронов может не хватить – твари ни на миг не ослабляли безумного натиска. Сколько же их еще? Снова в кармане брюк начала греться и вибрировать монета-табич, вызывая на контакт, но сейчас мне было не до разговоров. Внезапно атака ослабела и окончательно выдохлась – ни одна тварь больше не лезла под огонь. Все? Я всех убил? Сместился на шаг вправо и вперед, и осторожно поглядел вверх. Воины толпились на лестничной площадке второго этажа и совсем не стремились лезть под пули. Что они там делают? Коротко «созерцав», я увидел, как сгустки тьмы надо мной вдруг начали падать вниз. Внезапная догадка бросила меня в холодный пот. Твари пытаются обойти меня с тыла, выбравшись на улицу через проход между лестницей и лифтовой площадкой! Там плевая высота, с которой враги спустятся без проблем, а потом проникнут внутрь через парадную дверь. Я уже не успевал покинуть здание.

Что делать? Уйти из сна? Да, нужно уходить. Но меня просто взбесил тот факт, что придется бежать от тварей в своем собственном сне. И я так и не добрался до Плетущей на восьмом этаже. Какая цифра этой ночью должна быть на ее лбу, «тройка» или «четверка»? Не помню. Нет, я не покину свой сон, пока меня совсем не прижмет, а вот количество тварей я еще сокращу.

Быстро шагнув на вторую ступеньку, «достал» гранату, выдернул чеку и швырнул РГО таким образом, чтобы максимально уменьшить риск рикошета, и чтобы она не свалилась обратно. Сразу же бросился к железным дверям подъезда, с двумя такими же железными выгнутыми ручками на каждой из створок. Одна из них была закрыта на верхний и нижний запоры, а вторая, к сожалению, таковых не имела. Я отсчитывал секунды до взрыва и на счет «три» приоткрыл рот. В замкнутом пространстве разрыв оборонительной гранаты прогремел невероятно громко. Зло завизжали осколки. «Достал» тяжеленный лом и вставил его в дверные ручки. Проклятье! Между ними слишком небольшое расстояние, и лом просто не мог удержаться. Он упал на пол. За мгновение до того, как дверь дернули с обратной стороны, накинул на ручки браслеты наручников и защелкнул их. Успел! Рывки следовали один за другим, а потом в щель между створками полезли чьи-то руки. Беретта в моей ладони несколько раз рывкнула, выплевывая огонь и дымящиеся гильзы. Руки исчезли. Через мгновение в щель проскользнуло лезвие хатиса,

оно наткнулось на цепочку наручников и тут же принялось ее пилить. Ну давай, давай! Вы ее за сто лет не перепилите!

С момента взрыва прошло минимум времени, и я чувствовал, как оно безнадежно утекает, оставляя с каждой секундой все меньше шансов. В моей ладони появился металлический цилиндр шоковой гранаты. Выдернул чеку и бросил гранату в дверной проем, ведущий на лестницу, а за ней – сразу вторую. Спешно отступил за угол, на лифтовую площадку. Бешено вращая глазами, из двери выскочил воин с хатисом в руке и тотчас бросился на меня. Я успел заметить, что он был весь в крови, которая скрыла от взгляда татуировку на его теле. Все произошло слишком быстро. Я не успел поднять даже руку, чтобы встретить его огнем из пистолета. Воин коротко, без замаха, ткнул мне в грудь своим клинком, и я, отпрыгнув в сторону, с трудом ушел от этого удара, хотя на самом деле едва не завалился на бок. Наверное, от неожиданности я потратил на тварь пять или шесть патронов. По инерции воин пробежал еще несколько метров, и в этот миг взорвалась первая шоковая граната. В ушах появился звон, тоскливый и безумно тонкий. Прежде чем за углом ярко вспыхнула вторая граната, взрыва которой я уже не услышал, оттуда выскочил воин. Он слепо размахивал своим хатисом, выбивая из стен искры, и я потратил на него остаток обоймы в пистолете. Вскочил на ноги, быстро огляделся. Абориген, выскочивший из-за угла первым, исчез на глазах, а контуженный, схватившись за грудь, медленно осел на пол.

Снова в кармане завибрировала, нагреваясь, монета, вызывая меня на контакт, но мне было совсем не до разговоров. Слишком мало времени. Недавний испуг уже испарился, оставив после себя только злость и жажду крови. Я страстно хотел рассчитаться с тварями за свой страх и паническое бегство по лестнице.

Работать с воздухом легко и приятно, хотя в замкнутом помещении, да еще и в стенах многоэтажного дома делать это нежелательно. Но выскочивший, как черт из табакерки, воин из-за угла не оставил мне времени, и я ударил его воздушным тараном. Не издав ни звука, тварь отлетела и сильно ударилась о железные створки парадного и спустя секунду исчезла. Из-за смены давления поднялся даже не сквозняк, а самый настоящий ветер. Снова заложило уши. Следующего воина я встретил очередью из пулемета. Не дожидаясь, пока твари повалят сплошной толпой, начал плести. Бетонный пол в проходе между лестницей и лифтовой площадкой нагрелся и очень быстро потек. Тут же начал тлеть линолеум на полу, и через миг он вспыхнул, нещадно чадя черным дымом. Я заставил подняться сквозняк, который вытянул ядовитый дым на лестницу. Небольшой участок пола, который разделял меня и лестничный колодец, превратился в непреодолимое препятствие на пути нападавших. Глупые твари упрямо пытались добраться до меня и тотчас вспыхивали живыми факелами. В нос ударила вонь горящего мяса, но сквозняк исправно относил ее от меня прочь. Волна сухо-

го жара заставила меня отступить на несколько шагов. Сейчас я успокоюсь, соберусь и отработаю по полной программе. Главное – не повредить здание. А потом я, наконец, поднимусь на восьмой этаж.

В кармане брюк снова завибрировала и нагрелась монета. Вытащил ее и сжал в ладони, приняв вызов.

– Что ты там устроил?! Ты должен был уйти, а не побоище устраивать! – прокричал голос в гневе.

– Успокойся! Ситуация под контролем! – ответил я в тон.

– Глупец! Сейчас явится хозяин этих тварей и будет тебе полный контроль!

А я-то и забыл про хозяина тварей. С другой стороны, это мой сон, и все здесь будет так, как того захочу я. Да и хозяин этот... Если им является тот самый Старик, которого я помнил по событиям позавчерашней ночи, то никаких проблем возникнуть не должно в принципе. Он был слишком слабым Плетущим, чтобы представлять для меня серьезную угрозу. А если я ошибаюсь? Если именно Старик – виновник всех моих недавних бед? Ну что за ерунда! Если бы он хотел расправиться со мной, почему он не сделал этого еще в сне Миши, в джунглях, когда мы отбивались от кошкоподобных тварей? Или он использовал нас, чтобы уничтожить нападавших? Могло такое быть? Вполне. Старик мог, кстати, и притвориться слабым и немощным, хотя я сам видел, когда «созерцал», что он никак не мог похвастаться большой силой. А мог Старик быть напарником того, кого убил мой монстр

в мертвом городе? Могли ли они работать в паре? Слишком много «если» и «может быть». Слишком много неясностей и вопросов.

– Максим, тебе нужно как можно быстрее уходить отсюда! Вот-вот появится хозяин тварей!

Что же делать? Предостережение прозвучало недвусмысленно, и вряд ли мой собеседник стал бы так паниковать по пустякам.

– Может быть, ты поможешь мне? – спросил я его. – Вместе мы наверняка справимся.

Он ответил не сразу, а когда озвучил свои мысли, я услышал сожаление в его словах:

– Возможно, мы бы и справились, но только не сейчас. Ты просто еще не готов.

– К чему я не готов?

– Не могу сказать. Не сейчас. Не так. К тому же, ты сам должен понять.

– Что понять? Что за загадки? Почему ты просто не придешь и не поможешь? Протяни мне руку, и я вытащу тебя к себе. Ты же где-то недалеко! – меня надоели недомолвки.

– А я думал, что ты изменился, – услышал я недовольный ответ. – А ты все такой же упрямый, как осел! Максим, прощу, уходи! У тебя очень мало времени!

– Сколько?

– Мало.

– Ясно. Тогда не мешай мне и не отвлекай больше. Много

времени мне и не нужно. Все, конец связи, – и спрятал монету в карман.

Загадки, которые задал Клаус, меня слишком сильно раздражали. Мог бы и помочь, в самом деле. Судя по всему, он знал, кто является хозяином тварей. Неужели он настолько силен, что Клаус не решается вступить в бой в союзе со мной? И он, и я являемся, без преуменьшения, сильными и искусными Плетущими, к тому же, это мой сон, что дает колоссальное преимущество в противостоянии. Клаус так не уверен в наших возможностях, или же он опасается иного? Чего? Показать врагу?

Жар от расплавленного бетона, разделяющего меня и тварей на лестнице, продолжал накатывать раскаленными волнами, заставив отступить еще дальше. Нужно или уходить, или что-то делать. Ну а хозяин тварей... Кем бы он ни был, справиться со мной ему будет непросто, если он вообще сможет со мной справиться.

Что это? Мне показалось, или это и в самом деле был звон разбитого стекла? Влево и вправо за обычной деревянной дверью лифтовой площадки тянулся коридор. Я уже проверял его минуту назад. Здесь было пять дверей, ведущих в квартиры. Снова послышался звон, и теперь я точно определил направление. Звук шел из-за одной из дверей. Видимо, твари нашли еще один обходной путь – через квартиры. Опять прозвенело разбитое стекло, но уже не там, где прежде. Судя по всему, воины проникали внутрь здания че-

рез окна квартир и скоро начнут выламывать двери, чтобы атаковать меня еще и с этого направления. Вопрос выбора стал очень остро: уходить или... Или что? Если уходить, то прямо сейчас, потому что я уже целую минуту стоял без дела, пытаюсь проанализировать происходящее. Из коридора послышался звук сильного удара – это твари попытались выбить дверь одной из квартир. Снова удар, но уже в другую дверь. Через секунду уже все пять дверей в коридоре сотрясались от сыплющихся на них изнутри ударов.

Нет, я еще поборюсь. Тылы надежно защищены расплавленным бетоном, а коридор передо мной был достаточно широким и длинным, чтобы я успевал уничтожать тварей. С громким треском одна из дверей распахнулась, и в коридор из квартиры вывалился воин, крепко сжимающий в руках хатис. В следующую секунду наши глаза встретились, и он тотчас сорвался в стремительный бег, но только для того, чтобы еще через миг получить в грудь несколько пуль. Я не стал придумывать ничего нового, а просто повторил свой фокус с полом, расплавив его. Стоп! Я идиот! Резко остановил процесс, когда увидел, что двери квартир начали дымиться. Мне еще пожара здесь не хватало.

В работе Плетущего всегда было достаточно много ограничений и условностей, поэтому, к огромному сожалению, я не мог просто перегородить коридор бетонной плитой – мне ее было просто не поднять. И я не мог «вырастить» бетон – он не живое существо, не органическая материя. И пытаться-

ся устроить здесь непролазные заросли тоже не получится – придется просто уничтожить пол, чтобы дать волю растениям..

Одни за другим из выбитой двери квартиры появились новые твари и сразу бросились в мою сторону. Пулемет выплюнул несколько коротких очередей, и на этом атака захлебнулась. С другой стороны коридора под градом ударов вывалилась одна, а за ней сразу другая двери в квартиры. Мне пришлось развернуться практически на сто восемьдесят градусов, чтобы уничтожить показавшихся противников с этой стороны. Еще одна дверь не выдержала и распахнулась. Твари вываливались в коридор уже из четырех дверей. Они атаковали сразу с двух направлений! Металлические цилиндры шоковых гранат полетели вправо и влево по коридору. Я спешно укрылся за стеной, крепко зажмурился и приоткрыл рот.

– Баммм! Баммм!

Звон в ушах. Вынырнул из-за угла и двумя длинными очередями уничтожил оказавшихся неожиданно близко с двух сторон нападающих. Нет, так долго продолжаться не может. Но как же много врагов! Я успел коротко оглядеться «созерцая», чтобы убедиться, что все пространство надо мной и по сторонам буквально кипело чернильной тьмой окруживших меня тварей.

Внезапная идея осенила меня, и я тут же принялся плести. Сначала на полу коридора появилась вода. Она растек-

лась по всей его длине и ширине и сразу же замерзла. Новым слоем она растеклась по тонкому льду и снова превратилась в лед. Снова – вода, снова – лед. Появились новые твари, но на этот раз ни о какой стремительной атаке не могло быть и речи. Босоногие воины не смогли удержаться на льду, они заскользили, упали, попытались подняться и снова упал. Я не прекращал работать и не отвлекался на них. Новый слой воды, сразу заледеневшей, заставил тварей с усилием выдергивать ноги из замерзающей воды. Противники приблизились едва ли на несколько метров. Снова – вода, снова – лед. На этот раз только двое из воинов смогли освободиться из ледового плена, остальные так и замерли, вмерзнув ногами. Снова – вода, снова – лед. На этот раз уже ни одна тварь не смогла сдвинуться с места. Из выбитых дверей появились новые противники. Им пришлось карабкаться на лед в коридоре, который достиг уже почти метровой высоты. Ни один из них не смог преодолеть и половины расстояния, нас разделяющего, – все они безнадежно вмерзли ногами в разрастающийся лед. Очень скоро ледяная стена передо мной закрыла собой дверной проем в коридор, но я не остановился, пока лед не достиг потолка. Из рта вырывались облачка пара, и мороз лез под одежду. Я отошел на несколько шагов, и в спину потянуло жаром от расплавленного бетона.

– Это называется глухая защита, – пробормотал себе под нос и нажал кнопку вызова лифта.

Ничего не произошло, что и неудивительно. Я начал пле-

сти, но просыпающаяся усталость дала знать о себе, и мои манипуляции с материей сна произошли не так быстро, как хотелось бы. Тем не менее, повинуюсь моей воле, тросы в лифтовой шахте подняли груз противовеса, и кабина подъемника опустилась вниз, пока не достигла первого этажа. Я снова «созерцал». Вокруг было очень много тварей, но все они оставались пока на безопасном расстоянии. Надо мной их уже не было, разве что где-то на уровне второго – третьего этажа, да и то в стороне, на лестнице. С неприятным скрежетом створка грузового лифта отъехала в сторону и прежде чем шагнуть внутрь, я успел заметить, как от жара расплавленного бетона уже подтаял и начал растекаться лужей воды лед в дверном проеме. Оказавшись в лифте, нажал кнопку с цифрой «восемь». С тем же скрежещущим звуком створка закрылась, и кабина начала подъем. Огляделся. Обшитые дешевым пластиком «под дерево» стены, алюминиевые решетки вентиляционных отверстий под самым потолком, тусклый свет лампы в пыльном плафоне, металлические кнопки этажей, и пластиковые: «стоп» и вызов диспетчера – они оплавлены, как, наверное, в любом реальном лифте, от рук мелких вандалов.

Сквозь вентиляционную решетку было видно, как узкой полоской света медленно прополз вниз второй этаж. Через секунду появилась точно такая же – третьего. Жалобно заскрипели тросы и напряженно загудели стены кабины. Я вроде был собран и готов к любым неприятностям, но, в то же

время, размеренный гул и даже скрип и срезет лифта успокаивал, заставляя расслабиться. Поэтому глухой удар, прозвучавший откуда-то снизу, показался мне неожиданным. Я даже вздрогнул и с усилием прогнал сонливую усталость. Снова удар и снова. Было бы наивно предполагать, что твари не заметят моих перемещений. Очень близко слышался знакомый скрежет открываемой створки, и почти сразу – новые удары. Твари были совсем близко! Появилась полоска света четвертого этажа. Ударов уже не слышались, вместо них донеслись звуки какой-то возни буквально под ногами. Я успел увидеть, «созерцая», как цеплявшиеся снизу за пол кабины твари перебрались на ее стену, единственную из четырех, по которой можно было карабкаться – с этой стороны находилась шахта пассажирского лифта, а с трех других – стены, подходившие к подъемнику вплотную. Снова слышалась возня как раз с этой стороны. Я с тревогой следил, как проплыла вниз полоска света пятого этажа. Еще три. Успею или нет? «Достал» ЮСАС-12 и передернул затвор, дослав в ствол первый из двадцати патронов двенадцатого калибра.

Внезапно на боковую стену кабины обрушился и проломил ее насквозь страшный удар. Показалась человеческая рука. Я вдавил спусковой крючок, и дробовик, толкнув в плечо, коротко рывкнул. Для разлета картечи, которой были снаряжены патроны, дистанция оказалась слишком мала, и в тонком пластике кабины появилась дыра, в которую мож-

но было просунуть голову. От звона в ушах я не услышал, как упало тело твари, но был абсолютно уверен, что одним врагом стало меньше. Ширина кабины составляла не больше метра, поэтому контролировать ее те секунды, пока лифт карабкался на восьмой этаж, не составило большого труда. Через решетку вентиляции уже было видно, как появилась и лениво поползла вниз узкая полоска света нужного этажа, и лифт остановился. Я еще успел оглядеться, «созерцая», чтобы убедиться, что на этаже не было ни одной твари, и только силуэт Плетущей горел в сером ничто. Я придвинулся к дверям ближе, готовясь покинуть лифт. Прождал секунду, две, три, а створка все не отъезжала в сторону. Я принялся плести, заставляя сработать механизм открытия дверей, но в эту секунду снаружи что-то сильно ударило в потолок, и я успел увидеть хищно блеснувший в тусклом свете клинок, появившийся и исчезающий в метре справа от меня. Я припал на колени и несколько раз выстрелил в потолок туда, где скрылось лезвие. Боковая стена снова затряслась под ударами, проломивших ее сразу в нескольких местах. В следующую секунду уже сверху выскочило сразу два клинка, и один из них – прямо надо мной. Я вскинул дробовик и ответил огнем. Теперь боковая стена зияла шестью большими отверстиями, и через мгновение превратившийся в решетку пластик проломился, и воин с хатисом в руках ввалился внутрь. Я выстрелил в него в упор, и тварь буквально вышвырнуло наружу со страшной раной в груди.

Действуя по наитию, я дотянулся до кнопок на панели и нажал на ту, возле которой была нарисована «девятка». Лифт сразу пришел в движение, но, поднявшись на следующий этаж, не остановился, а продолжил подъем. Я принялся лихорадочно жать красную, в потеках расплавленного пластика, кнопку «стоп», но лифт не остановился. Мои манипуляции с механизмом подъемника также не принесли результатов. Сквозь потолок, как только что через боковую стену, провалился воин с уже занесенным для удара оружием. Я не успел не то, что выстрелить, а даже навести на врага оружие, поэтому встретил клинок цевьем дробовика. Ударил ногой воину в грудь, оттолкнув его от себя. Выстрелом твари снесло полголовы. Это был последний, по крайней мере, никто больше не нападал. Сквозь практически отсутствующую боковую стену и верх кабины была видна лифтовая шахта и ее приближающийся с каждой секундой потолок. С едва заметным толчком лифт остановился, но двери остались закрытыми. Прямо напротив застыла кабина пассажирского лифта.

Всплески адреналина уже были не в состоянии прогнать тупую усталость. С изрядной долей равнодушия я понял, что моя затея добраться до Плетущей провалилась. Даже если я открою двери лифта, то за то время, которое потрачу на спуск по лестнице, твари не дадут мне спуститься на восьмой этаж. Жаль, что так получилось. Ну а то, что лифт не выпустил меня на нужном этаже – это, без сомнений, дело рук хозяина тварей, о чьем появлении предупреждал Клаус. Одна-

ко сейчас было бы логичным, если он попытается меня уничтожить. Словно в ответ на мои мысли, пол резко ушел из-под ног, а внутри меня будто пустота появилась, и на краткий миг я воспарил в самой настоящей невесомости. Наверное, я слишком устал, потому что от неожиданности невольно прервал уже начатый процесс ухода. Лифт уже не просто падал, он летел вниз, будто на нем был установлен восьмицилиндровый двигатель. За считанный мгновенья до того, как подъемник врезался в пол шахты, я покинул этот сон.

Глава 2

Странно, но я не проснулся. Что же, бывает и так. Особенно, когда уходить из сна приходится в крайней спешке, как это случилось со мной только что. Место, где я оказался, еще какие-то мгновения скрывалось от взгляда, скрытое белесоватой дымкой, но мое присутствие стабилизировало эту реальность, заставило ткань сна укрепиться. Прежде чем приступить к изучению окружающей действительности, я уже понял, что нахожусь в обычном сне, а не в собственном кошмаре. И это, признаться, меня предостаточно обрадовало.

Первое, что сразу бросилось в глаза – странное небо оранжевого цвета. То тут, то там по нему плыли не менее странные облака черного цвета, даже не облака, а будто дымные росчерки. Солнца не видно, и это было уже не совсем хорошо.

Я оглянулся вокруг, «созерцая». Поблизости – никакой опасности, лишь где-то далеко в стороне были видны несколько черных сгустков – твари. И где же, интересно, хозяин этого сна? Я снова принялся «созерцать», разглядывая далеких монстров. Не сразу, но я заметил-таки смутно угадывающийся на таком расстоянии человеческий силуэт. Даже на миг не мелькнуло мысли бросить все и уйти отсюда, проснуться. Раз уж я здесь, нужно отработать этот сон. Человек, в сновидении которого я оказался, наверняка нужда-

ется в помощи... Если только это не очередная ловушка, поставленная из расчета на мое вмешательство.

Не далее чем в сотне-полтора метров от того места, где я оказался, сплошной стеной стояли неказистые домики высотой примерно в два человеческих роста. Хотя нет, не сплошной, я пригляделся – да, вон и проходы между ними виднелись. Просто они были такими узкими, что сразу и не разглядеть. Теснота. Ненавижу ее в любых проявлениях. И если в жизни, наяву, с ней мало что можно было поделаться и приходилось просто мириться, то во сне – это очевидно – я не оставлял ей места ей ни в каких проявлениях. Посмотрим...

Узкие проходы между домами, как лабиринт – бессмысленный и ужасающе скучный. Серые стены из необработанного, шершавого на ощупь камня. Земля под ногами почему-то влажная, почти грязь. Запах застарелой сырости, плесени и грибка. Слабый сквозняк, почти неощутимый, он то по спине протянет, то пугливо коснется лица. И тишина. Всеобъемлющая, ватная, пропитанная сыростью тишина, нарушаемая лишь чавкающими звуками собственных шагов.

Минут через пять я остановился и огляделся, «созерцая». Нормально – двигаюсь в верном направлении, хотя если эти бестолковые трущобы так и будут тянуться дальше, мне вряд ли удастся добраться до человека, хозяина этого сна. Это если я буду послушно плутать, чего, конечно же, делать не собираюсь. Сделав несколько глотков воды из фляги, я двинулся дальше, решив, что если в скором времени эти каменные

дебри не закончатся, придется их немного поломать, чтобы расчистить прямой путь к цели. Негромко, чтобы не испугать человека.

Показалось? Я замер неподвижно и прислушался. Нет, вроде... Или да? Слишком далеко. Ага! Дуновением сквозняка донесло какие-то звуки. Я даже глаза прикрыл, чтобы лучше настроиться на слух. И спустя несколько секунд с удивлением открыл их – я услышал музыку. Или пение. Пока еще трудно сказать, да и чего гадать, если скоро все и так выяснится? А проходы между домами как-то незаметно расширились. Я вдруг понял это, когда на очередном повороте вдруг обнаружил, что, стоя у одной стены, не достаю рукой до другой, противоположной. И еще под ногами явственно захлюпало. Это уже не земля, а самая настоящая грязь. Пришлось сделать короткую остановку, чтобы переобуться в резиновые сапоги.

Всего через несколько минут я брел уже почти по колено в мутной, не то бурой, не то темно-желтой воде. И это, опять же, не очень хорошо. Небо без солнца, грязная вода, нескончаемый лабиринт узких улочек – все это в совокупности лишь подтверждает то, что хозяин этого сна нуждается в помощи. Пусть даже сам он или она об этом не догадывается.

За очередным поворотом каменные трущобы неожиданно закончились. Да так внезапно, что я не сразу это понял, но тут уж виной по большей части тоскливая усталость, надежно сковавшая мое сознание. Из узкой каменной кишки

я вышел на обычную улицу, вдоль которой по обе стороны высились трех-четырёх этажные дома из темного кирпича. Злорадно чавкающая грязь под ногами уступила место какому-то твердому покрытию. Асфальт? Может быть. Не все ли равно, если уровень воды, к тому же, чуть опустился, а идти стало не в пример легче? Я снова огляделся, «созерцая». Местоположение уже ясно различимого человека не изменилось – он так и остался на прежнем месте. И твари тоже. Сделав несколько глотков воды из фляги, я отправился дальше. Пение – а это было именно пение: фальшивое, бездарно исполняемое – раздавалось где-то совсем неподалеку, но отдельные слова, как я ни вслушивался, различить не удалось.

Улица закончилась Т-образным перекрестком, от которого она расходилась в обе стороны уже почти проспектом, такой стала широкой. Дома здесь были не ниже пяти этажей, и все сплошь увешанные неоновыми вывесками, яркими, разноцветными и оттого еще более неуместными здесь, в достаточно мрачном сне. Эта ходьба в воде меня достаточно утомила. Хорошо, хоть под ногами твердая поверхность, а не грязь. И если бы не близость цели, я что-нибудь с этой водой уже сделал...

А вот отсюда и доносятся звуки, которые с невероятной натяжкой можно назвать пением. Такой же, как остальные дома на этой улице, этот высился на пять этажей. На фасаде ярким неоном переливалась алая пивная кружка. Никаких окон на первом этаже, сплошная кирпичная стена, только

широкая, с массивной круглой ручкой посередине, деревянная дверь. К ней из воды поднимаются пять широких ступеней. По ту сторону находится человек, хозяин этого сна, и с десятков тварей, видимых черными кляксами, такими ступками мрака. Я сморгнул, вернув обычное зрение. Поднялся по ступеням и невольно вздохнул с облегчением, оставив доставшую уже воду внизу. Проверил одежду, подумал немного и все-таки накинул короткую легкую куртку, скрыв под ней бронежилет. Настроившись нужным образом, я «закрылся». Теперь у меня не было возможности «созерцать», но и твари не опознают во мне Плетущего. Все свое время. Стучаться не стал – я не в дом захожу, а всего лишь в кабак, который, по сути, является присутственным, то есть общественным местом. Пусть даже и нереальным.

За дверью – короткий, с дюжину шагов, коридор. Едва я открыл дверь, звуки пения стали гораздо громче. Тусклые лампы в обшарпанных плафонах под потолком. Запахи сырости, спиртного, табака и подгоревшего масла заставили дыхание на несколько секунд сбиться. С громким стуком дверь за спиной захлопнулась. Коридор вывел в высокий зал, дальняя стена которого терялась в клубах удушливого табачного дыма, да и освещение само по себе тут было не лучшим – всего несколько длинных ламп дневного света под потолком. В глаза сразу бросилась хорошо освещенная барная стойка слева. Бармен, хмурый мужик под полтинник, драит и без того сверкающую стойку. Напротив него, на высоком

металлическом стуле, сидит некий субъект, уронив голову на руки. Столики в зале. За двумя из них тянут пиво из высоких стеклянных бокалов хмурые личности. Они все обернулись, когда я вышел из коридора. Еще за одним столиком сидит девушка или женщина – в этом дымном полумраке трудно определить ее возраст, да это и не нужно вообще-то, потому что все они здесь твари, создания, порожденные человеческими страхами.

Ах, красавица, налей!
Что же ты, родная?
В гроб последний гвоздь забей!
Видишь, умираю?
Синий лед, синий снег,
И душа заиндевила.
Время – неумолчный бег,
Вот и жизнь сгорела.
Ах, красавица, налей!
Что же ты, родная?
Ни о чем не жалея,
Траур надевая.

Меня передернуло, едва я вслушался в слова. И кто же это здесь так усердно и совершенно немзыкально надрывается? Не разглядеть толком, голос доносится из самой глубины зала. Я шагнул и едва сдержал проклятье – на полу была вода. Немного, всего по щиколотку, но как же она надоела!

Благодаря принятым мной мерам, твари не узнали во мне Плетущего, не почувствовали. Бармен за стойкой провожал меня хмурым взглядом, пока я пробирался мимо столиков, за которыми тут и там сидели обычные с виду люди. Пиво и какие-то еще напитки так и стояли перед ними нетронутыми – твари собрались здесь не для этого. Откуда здесь столько сигаретного дыма, если никто не курит? А вот и «певец». Обычный с виду человек, мужчина среднего возраста, русоволосый, ярко-синяя куртка на нем. Увидев меня, пробирающегося через зал, он прекратил пение и так и молчал, пока я не приблизился к его столику вплотную. К табачному дыму вдруг примешался резкий и неприятный запах алкоголя, даже не алкоголя – ядреного, трехдневного перегара. Мутный взгляд неопределенного цвета глаз непрерывно скользил по мне, и тут до меня дошло, что этот человек мертвецки пьян. Пьян настолько, что не в состоянии не просто сфокусировать взгляд, но и вообще что-либо сказать. Это я понял, когда он, пытаясь обратиться ко мне, лишь промычал что-то нечленораздельное себе под нос. Потом он несколько секунд нелепо тараторил на пустую бутылку на столе, затем глянул куда-то в сторону, махнул зачем-то рукой, едва не свалившись при этом со стула, и снова заорал свою песню. Но не успел и пары слов «пропеть», как снова уставился на меня мутными от пьяни глазами. А я, подняв крошечные волны грязной воды на полу, отодвинул стул и уселся напротив человека. Сидящие за соседними столиками бросали в мою сторону непри-

язненные взгляды, но вслух так никто из них ничего не сказал.

– Здравствуйте, – обратился я к нему.

Через несколько секунд до пьяницы дошло, что я к нему обратился, и он промычал что-то в ответ. Нет, так дело не пойдет. Мне не пришлось «открываться», чтобы плести, и твари вокруг так и не поняли, что произошло. Вот сидел пьяный вусмерть человек, а вот он вдруг недоуменно и с опаской огляделся вокруг, явно не понимая, где он и как здесь оказался.

– Здравствуйте, – я снова обратился к нему.

Темные, все-таки темные, скорее, карие глаза мужчины остановились на мне. Какое-то время он изучал меня ясным трезвым взглядом и, наконец, ответил:

– Здравствуйте.

Ну, вот и хорошо. Если человек ответил, значит, готов к дальнейшему общению. Было бы гораздо хуже, если он игнорировал бы меня. Тогда, как бы я не хотел, помочь ему не смог бы.

– Как вы себя чувствуете?

– Не знаю, – ответил он в запоздалой растерянности, недоуменно огляделся вокруг и спросил уже сам. – Где я?

– Без понятия, – я пожал плечами.

Наступил самый важный, решающий момент. Если человек слишком напуган, то попросту проснется. Если же он сможет хотя бы частично совладать с собственным страхом,

тогда останется, ну и я, разумеется, постараюсь помочь ему. Минула целая минута, не меньше, тягостного молчания, а человек все еще находился здесь и просыпаться не думал. Он старательно крутил головой, пытаясь рассмотреть что-то в окружающем дымном полумраке.

– По-моему, я уже был здесь, только... только все какое-то... странное, – промолвил мужчина и уставился на меня. – Кто вы?

– Вы хотите отсюда выбраться? – в свою очередь спросил я.

– Я не знаю, – последовал растерянный ответ.

– Вы помните, как здесь оказались?

– Здесь – это где? – мужчина выглядел раздосадованным. – Кто вы? Что это за место?

– Вы спите, и это все – ваш сон, – и сразу добавил: – Вы хотите проснуться?

В который уже раз человек растеряно огляделся и недоверчиво посмотрел на меня.

– Кто вы? – спросил он.

– Друг. Я ваш друг. А теперь подумайте, прислушайтесь к своим ощущениям. Что вы должны или просто хотите сделать.

– Если вы друг, – начал он без тени приязни, но тут же замолк, а взгляд его затуманился. Через несколько секунд его глаза расширились то ли в удивлении, то ли в испуге, и мужчина произнес совсем другим голосом. – Вода.

Я сразу все понял, но все-таки спросил:

– Вы боитесь воды?

– Нет, – ответил он чересчур поспешно. – Да... Не знаю...

Просто эта вода...

Он глянул себе под ноги, будто только что заметил, что пол залит водой.

– Вода прибывает, – и недоуменно посмотрел на меня.

Его слова словно послужили сигналом, и спокойная до того вода заволновалась, поднялась крошечными, но все же волнами.

– Вы знаете, что должны делать?

– Я не знаю, – он поднял из воды ноги, но не продержал их на весу и трех секунд.

– Подумайте хорошенько, – и добавил, стараясь придать голосу максимум спокойной уверенности: – Не бойтесь воды, она вам ничего не сделает.

Видимо, подействовало, и мужчина, начавший уже гримасничать от страха, несколько раз глубоко вздохнул, опустил расслабленно плечи и неожиданно сказал:

– Вода. Нужно ее отрезать.

– Отрезать? – переспросил я.

– Да, отрезать.

Утихшая вода вдруг снова заволновалась, а поднявшиеся волны оказались неожиданно высокими – почти до колен. Я оглянулся на шум, но рассмотреть что-либо дальше нескольких метров в этом дымном полумраке было невозможно. И

тут на меня нахлынула волна, окатила спину, и за ней следовали все новые и новые.

– Нужно отсюда выбираться, – обернулся я к человеку.

– Да, нужно выбираться, – быстро кивнул он и поднялся из-за стола.

– Эй, куда это вы собрались? – раздался совсем рядом незнакомый голос.

Как-то вдруг стало оченьлюдно. Посетители, что сидели за своими столиками, столпились сейчас вокруг нас, преградив путь к выходу.

– С дороги, – бросил я в самое ближнее, небритое, перекошенное от злости лицо и снял защиту.

В тот же миг угрюмая толпа отшатнулась, твари одновременно отступили на несколько шагов.

– In-Texo, – пробежал испуганный шепот.

Мужчина, уже вставший рядом со мной, настороженно огляделся по сторонам.

– Что это с ними?

– У вас две секунды, – почти неслышно, одними губами сказал я той же морде, и в следующее мгновение твари расступились, широко раздались в стороны, пропуская нас. – Пойдемте, – обратился я к человеку, – Просто эти люди хотели продолжения концерта, который вы им давали.

– Какого концерта? – недоуменно уставился на меня тот. – Никакого концерта я не давал. Я даже петь не умею – ни слуха, ни голоса.

– Это точно, – хмыкнул я. – Не берите в голову. А сейчас не отставайте.

...Вот уже целый час мы бродим по колено в воде среди затопленных зданий. Мой спутник выглядел совсем плохо: черные круги под глазами, затравленный взгляд, полный безнадежной тоски. Он часто и с надрывом кашлял, но не отставал от меня ни на шаг. А я шагал едва ли не на автомате – уж слишком сильно был измотан, и слишком мало времени за последние два дня я отдыхал. Каша в голове, мешанина тревожных мыслей не давала толком сосредоточиться, и я все брел и брел, ожидая, когда же мой спутник найдет искомое, и следил за перемещением тварей. А они шли за нами от самого кабака, который был нами так спешно покинут. Их насчитывалось уже не меньше трех дюжин, но никаких попыток приблизиться твари не предпринимали – они все время держались на одной и той же дистанции.

– Долго нам еще? – в сотый, наверное, раз спросил меня мужчина.

– Скоро, – ответил я. – Вы узнаете эти места?

– В первый раз здесь, – он шумно откашлялся.

– Сделаем привал, – я остановился и огляделся в поисках подходящего места.

Действительно, можно и даже нужно хоть немного передохнуть. И поговорить со спутником. Потому что именно от его желания покончить со своими страхами напрямую зависит продолжительность дальнейшего нашего пребывания в

этом сне. Чем скорее он примет для себя решение, тем быстрее мы найдем то, что ему поможет перебороть страх. Страх перед водой и всем, что с ней связано.

Мы так и не успели устроиться на привал. Я только начал высматривать подходящее место, но открывшаяся из-за угла очередного здания картина решительно перечеркнула все наши планы, связанные с отдыхом. По сути, мы вышли на Т-образный перекресток, и вот улица, отходящая от нашей, была сплошь забита автомобилями. Мой спутник сдавленно охнул, и в следующую секунду на нас обрушился самый настоящий акустический удар. Вязкая тишина уличных лабиринтов взорвалась страшными звуками. Спустя лишь несколько секунд ошеломленного удивления до меня дошло, что же я слышал. Это был многоголосый вой. Невообразимый, жуткий, тоскливый от безысходности, молящий о пощаде вой.

– Что это?! – крикнул, практически взвизгнул мой спутник. Его и без того уставшее лицо осунулось еще больше, глаза выкатились из орбит, и сам он представлял собой жалкое зрелище – испуганного до смерти человека.

– Не бойтесь! – я наклонился к самому его уху, чтобы он мог услышать меня в этой страшной какофонии. – Ничего не бойтесь! Сейчас разберемся!

Мне до сих пор было неясно, откуда исходят крики и плач. Я вгляделся внимательней в дома вокруг, обшаривая взглядом пустые окна, даже голову задрал, но странное и безучастное оранжевое небо было чистым, если не считать ред-

ких росчерков вытянутых черных облаков. Нет, определенно звук идет не сверху. Я опустил взгляд и всмотрелся в стоящие на улице машины. До ближайшей из них было полсотни метров. А улица, на которой они стояли, кстати, была с уклоном – если ближние машины были затоплены по середину стекол, то дальние – по крышу, и здания по обе стороны с расстоянием понижались, погружившись в воду. А уже через квартал они терялись в плотном тумане.

И вот тут я, наконец, разглядел, откуда исходил этот многоголосый вой. Его исторгали десятки запертых в машинах людей. С заметным усилием мне удалось сосредоточиться, и я посмотрел на страшную улицу «созерцая». Ничего, только стылая муть вокруг, и твари неподалеку, те, что так и шли за нами от самого кабака, где я встретил своего спутника.

– Там люди! – вдруг закричал он, тоже разглядев их.

– Нет там никого! – я наклонился к лицу мужчины, но все равно приходилось кричать.

Он сделал недоуменные глаза, а потом неожиданно отстранился, развернулся и зашагал к машинам. Неужели это то самое, ради чего этот человек здесь оказался? Вряд ли – его гложет страх пред водой, а отнюдь не перед замкнутым пространством.

Я не стал ему мешать и останавливать, пусть идет. Поднимая волны ставшей вдруг темно-бурой воды, человек шагал и шагал. И когда он приблизился к первой, точнее, последней из машин, вода достигала ему до середины груди.

Остановился, зажимая уши руками и страшно гримасничая, огляделся, нашел меня взглядом. Я стоял, не шелохнувшись, и наблюдал за ним. Те, которые казались людьми, запертыми в машинах, были всего лишь иллюзиями. Их вой, конечно, был совсем не иллюзорным, но такое бывает, и не сказать, чтобы редко. И если уж человек, этот и любой другой, принимает для себя какие-то решения – это их воля. Желание побороть собственные страхи не должно быть навязанным.

Видимо, вблизи машин звук был значительно громче, и это объясняло, почему мужчина зажимал уши руками. Тем не менее, он сделал попытку открыть дверцу автомобиля, опустив в воду правую руку. И я совсем не удивился, когда та не поддалась. Продолжая гримасничать от ужасного шума, мой спутник отнял от головы вторую руку, опустил под воду и принялся энергично дергать за ручку. Нет, все было напрасно – она не открылась. Вдруг человек странно дернулся, едва не упал на спину, но удержал равновесие, а потом вытащил из воды обе руки и недоуменно уставился на нечто в ладонях. Значит, оторвал ручку. Я глянул вправо, но твари так и стояли на прежнем месте и не пытались приблизиться. Хмыкнув про себя их упрямству, я снова повернулся туда, где мужчина все еще пялился на кусок пластика в руках, и двинулся к нему. Что же, видимо, так должно быть. Совпадений и случайностей в мире снов не бывает. Сознание человека не может обманывать себя самое. Другое дело, если бы сон этот был чужой, но это не так.

Вой стоял страшный, но все же вполне терпимый. Я почти дошел до человека, но его лицо вдруг превратилось в злую маску. Мужчина поднял на меня глаза, отшвырнул в сторону то, что сжимал в руках, и ударил. Видно было, что он вложил максимум, на что был способен, в этот удар. В ином месте и в иное время, может быть, все и получилось бы, но не здесь и не сейчас. Человек зашипел от боли в отбитом локте, я услышал это даже сквозь шум, и снова нанес по стеклу удар. Он бил и бил, кричал что-то, брызжа слюной, но результата не было – стекло машины оставалось целым. Наконец он успокоился и, тяжело дыша, крикнул мне:

– Помоги! Нужно их вытащить! – и куда только делся уставший, обессиленный человек.

Я коротко глянул на машину. Там, в почти затопленном салоне находились две женщины. Они кричали и звали на помощь, они плакали и били ладонями по стеклам.

– Вода! – крикнул я в ухо мужчине. Как он там говорил? – Ее необходимо отрезать!

Подействовало. Человек замер на несколько долгих секунд, а потом вскинул голову, выпрямился, отвернулся от меня и указал рукой в туманную стену всего в нескольких десятках метров от нас.

– Нам нужно туда! – его слова точно послужили неким сигналом, и в следующий миг наступила тишина.

Вязкое безмолвие окутало нас, обдав липкой сыростью, и уже я сказал:

– Не будем задерживаться, показывайте дорогу.

Мой спутник напряженно кивнул, бросил взгляд на машину, перед которой мы стояли – ее салон оказался пуст – и двинулся в сторону тумана.

С каждым шагом идти становилось все сложнее – вода поднялась уже до шеи. Влажный туман, точно отрезанный исполинским ножом, возвышался перед нами необычной стеной.

– Я не умею плавать! – заявил вдруг мужчина не то сердито, не то испуганно. Он тщательно вытягивал шею, но вода, вновь ставшая к этому времени прозрачной, успешно доставала ему до подбородка.

– Вы уже бывали здесь? – спросил я его.

– Да, – человек ответил сразу, но через секунду добавил, – по-моему... Я не помню.

– Вы знаете, что находится за туманом?

– Нет. Даже не догадываюсь.

– Чтобы отрезать воду, нужно идти через туман?

Мой спутник ответил не сразу, хотя сомнений нет – нам нужно туда. Точнее, ему нужно. Человек должен пройти через туман неопределенности, преодолеть страх перед ней. Вода – всего лишь символ, знак, отображение его неуверенности, нерешительности и, опять же, страха. Того самого, который заставляет его попадать в этот сон снова и снова. И не факт, что ему каждый раз хватает сил прекратить пьяное пение, подняться из-за стола там, в накуренном кабаке, и вый-

ти на улицу, в пугающую воду.

– Да, нужно пройти через туман, – наконец произнес он.

Спасательный пробковый круг, обычный, оранжевый, с леером сбоку, появился рядом с человеком.

– Держитесь за него, – обратился я к мужчине. – Если почувствуете, что не достаете до дна – плывите.

Мой спутник жадно схватился за него, подтянул к себе как можно ближе.

– Спасибо.

– Не будем тянуть. Вперед.

Нельзя сказать, что продвигаться по подбородок в воде – приятное времяпровождение, но другого выхода просто не было. Осушить дорогу, заставить воду исчезнуть – дело несложное и недолгое, но опять же... Человек, который уже плыл в воде, держась за круг, должен сам преодолеть преграды, иначе все напрасно.

Густой туман обволок нас со всех сторон, скрыв дома по обе стороны дороги. Остались только мы, вязкий туман и плеск воды. Чувствуя нарастающий страх, я мельком глянул на своего спутника.

– Вы себя нормально чувствуете?

– Нет! – крикнул он, и туман проглотил его голос.

– Успокойтесь, все будет хорошо, – я попытался приободрить мужчину, но опоздал – его охватила настоящая паника.

Естественно, вторя внутреннему состоянию человека, изменилось окружающее: вода потемнела, вновь став тем-

но-бурой, и заволновалась. Поднялся ветер, сырой и холодный. Он принялся остервенело рвать туман, разнося далеко вокруг тающие на глазах серые клочья. Больше не было домов, дороги и затопленных автомобилей – во все стороны, насколько хватало глаз, простиралась водная поверхность. Земля ушла из-под ног, и мне пришлось удерживаться над водой. Если дно и было, то не в этом мире.

– Помоги! Я тону! – в отчаянии закричал мужчина, за чем-то отпустив из рук спасательный круг.

– Держитесь! – до человека можно было дотянуться рукой, что я и сделал. Нельзя отпускать его из сна, по крайней мере, пока он не переборол свой страх. Или хотя бы попытался это сделать.

Он ухватился за меня, вынырнул на секунду из воды, страшно пуча глаза и отплевываясь, а потом попытался подмять, забраться сверху. Мне почти удалось победить эту истеричную панику – пара крепких зуботычин сделала свое дело, и человек вроде успокоился. Но все сильнее волнующаяся вода внушала ему настоящий страх, даже спасательный круг не помог. Каждая новая волна была выше предыдущей, и взбесившийся ветер срывал с них грязно-ржавую пену.

– Я так больше не могу! – прокричал мужчина.

Ответить ему я не успел – очередная волна захлестнула нас с головой, утопила в этом буром вареве, а подводное течение понесло куда-то вглубь. Странно, но вода была прозрачной, по крайней мере, я прекрасно мог видеть переко-

шенное от ужаса лицо человека – мы крепко вцепились друг в друга. Вода – это не камень и не земля, поэтому работать с ней не в пример легче. Воздушный пузырь быстро увеличился и поглотил нас. Я расширил его границы еще, и теперь пузырь был не меньше трех метров в диаметре. Мой спутник шумно выдохнул, осторожно вдохнул, будто пробуя воздух на вкус.

– Что это? – он обвел рукой вокруг.

– Обычный воздушный пузырь. Не бойтесь, – быстро добавил я, – он не лопнет.

Человек промолчал, продолжая разглядывать необычное убежище, точнее, то, что находилось за его прозрачными стенами – воду. Действительно, она была достаточно чистой. До такой степени, что можно было наблюдать длинные смутные тени, мелькающие у границ пузыря.

Мокрая одежда неприятно липла к телу, а вода стекала вниз целыми ручьями. Ноги утопали по щиколотку, но на самом деле это были такие мелочи... Мой спутник охнул и отпрянул в сторону – одна из теней вплотную приблизилась к нашему убежищу, и это оказалась акула. Конечно же, ничего странного не было в том, что тварь приняла такой необычный вид, наоборот, все было закономерно.

– Они не смогут преодолеть границу пузыря, – сказал я мужчине, когда он обернулся ко мне с немым вопросом в глазах. Человек кивнул и возвратился к изучению акулы. Та недолго крутилась у пузыря, потом развернулась и исчезла

из глаз, растворившись в водной толще. Но не это меня заставило поверить, что скоро все закончится. Мой спутник – его поведение изменилось, и я прекрасно ощутил это. Он все еще боялся, но страх был уже не такой всепоглощающий. Именно так и происходит, когда страха становится слишком много. Да и люди так устроены, что привыкают ко всему. Вот и к воде мужчина привык.

Меня не удивило и то, что с каждой секундой вода становилась прозрачнее. Теперь она мало напоминала ту бурю жидкость, в которую ее превратил страх моего спутника. Прозрачную синеву пронзили вдруг солнечные лучи, а появившиеся дельфины отогнали прочь снующих поблизости акул. Это событие вызвало у человека бурю искреннего восторга. Осталось добавить последние штрихи. Внизу появилось дно: белое, песчаное. Стайка ярко-красных рыбешек промелькнула совсем рядом, шустро развернулась и умчалась куда-то в сторону. Вдалеке показался корабль, он мирно лежал на дне. Очень быстро наш пузырь приблизился к нему, поравнялся и двинулся дальше. Мой спутник во все глаза смотрел на затонувшее судно и еще долго провожал его взглядом.

– Как интересно, – негромко сказал он. – Я даже не думал... Я бы хотел... – и осекся, испугавшись собственных мыслей.

– Поплывать?

– Нет, – сразу ответил он, – то есть да, не знаю... Я же не

умею...

– Научить?

Человек не ответил, лишь коротко кивнул, ошарашенный собственной смелостью. Значит, время заканчивать. Осталось только одно, самое важное – выбор. И сделать его мой спутник должен будет в самое ближайшее время. А закругляться действительно пора – усталость никуда не ушла, лишь притаилась на время под наплывом новых событий.

Воздушный пузырь, ведомый моей волей, начал всплывать. Становилось заметно светлее, и спустя десяток секунд мы оказались на поверхности. Вокруг простиралась безбрежная водная гладь, настоящее море, и только с одной стороны, в сотне метров, был крошечный островок. Нелепый клочок суши, будто насмешка над безграничностью и властью океана. Воздушный пузырь исчез, и я передал спутнику спасательный круг – человек должен сделать все сам.

– Нам туда, – мужчина кивнул на остров.

– Поплыли, – ответил я ему и не спеша погреб в ту сторону, не опасаясь, что человек утонет – я сделал воду максимально соленой.

Выбравшись на песок, какое-то время я просто наслаждался солнечным теплом, потом встал и, пока мой спутник еще не доплыл, обошел весь остров. Он оказался действительно крошечным, всего несколько десятков метров в диаметре. Ни деревьев, ни травы, ни земли – только белый песок, а точно в середине находился большой кран: круг-

лый, железный, с четырьмя спицами – он крепился на обычной металлической стойке без намека на какие-либо трубы. Впрочем, ничего странного в этом не было. Кран – всего лишь символ, поэтому и не требует никаких скрупулезных деталей в исполнении.

За спиной раздались шумные всплески, я обернулся и увидел, как мой спутник выбирается на берег. Ни страха, ни сомнений не было в его глазах, но о победе еще рано говорить – человек еще не сделал выбор.

– Как вода? – спросил я его.

– Изумительная, – искренне ответил мужчина. – Оказывается, плавать – это здорово!

– Так и есть, – кивнул я.

Мой спутник задумчиво пожевал губами и огляделся, заметил кран, как-то вдруг замер, словно не дыша.

– Вы можете отрезать воду, – сказал я ему.

Человек почти не колебался. Он шумно выдохнул, огляделся, глянул вверх, где в голубом, почти белом, небе высоко висело теплое солнце. Опустил на меня веселые глаза и сказал, то, что я ждал:

– Нет, – и добавил, – Я не буду. Я хочу плавать... научиться плавать. И я не боюсь воду.

– Вот и хорошо, – улыбнулся я в ответ, и железный кран рассыпался невесомым прахом. – Вам пора.

– Подождите! – мужчина вскинул руки.

– Жду.

– Я бы хотел... – начал он и смущено запнулся. – Я бы хотел еще поплавать.

– Да плавайте, сколько угодно, – рассмеялся я.

Человек, победивший страх, несколько секунд странно смотрел на меня, потом развернулся и с веселым криком бросился в воду.

Конечно, я дождался, пока он вволю не наплавался, и ушел только после него.

Конечно, мне пришлось слушать его беззаботное пение. Ни слуха, ни голоса, но кого это беспокоит?

Ах, красавица, налей!
Что же ты, родная?
Не разжечь уж тех углей,
Я тебя не проклиная!
Синий лед, синий снег,
Все ушло былое.
Время – неумолчный бег,
Нас уже не двое.
Ах, красавица, налей!
Что же ты, родная?
Не печалься, не болей,
Я тебя прощаю.

Глава 3

Я с трудом разлепил невероятно тяжелые веки и какое-то время пытался просто сфокусировать взгляд. Светлый, с безвкусными цветами, потолок надо мною. В глаза будто пескa насыпали – так они ныли и болели. Несколько минут я промаргивался, а потом просто пялился вверх, не в силах собраться с мыслями. Поймал себя на том, что считаю дурацкие цветы на потолке. Как же я устал! С трудом принял вертикальное положение. Голова показалась не то чугунной, не то бронзовой – такой она была тяжелой. Сотовый на тумбочке вдруг принялся звонить и куда-то ползти, громко гудя от вибрации. Ничего не соображая, схватил его и принялся жать все кнопки подряд, только для того, чтобы заткнуть этот невыносимый звук. Будильник, это был выставленный мной несколько часов назад будильник. Ну и черт с ним. Спасительная тишина заполнила комнату, и я почувствовал, как тяжеленные веки начали слипаться. В следующий момент в квартире раздалась трель дверного звонка. От неожиданности я буквально подскочил на диване, как ошпаренный. Лихорадочно натянул брюки и, несколько раз споткнувшись, прошел к двери. В коридоре меня ждал Митрофан Александрович, сосед. Тот самый, которому я должен отдать ключи от квартиры, когда буду съезжать.

– Здравствуй, – поприветствовал он меня.

– Здравствуйте, – выдавил я, стараясь выглядеть бодро.

– Все в порядке? – спросил он, видимо, обратив внимание на мой помятый вид.

– Да, спасибо. Все хорошо, – мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, почему пришел сосед. – Вы за ключами?

– Уже два часа, – кивнул мужчина.

– Через полчаса я их вам занесу, – сказал ему, но спросил: – или зайдете?

– Да, – снова кивнул он после секундной заминки, – только свою дверь закрою.

Он исчез из дверного проема, зашаркал домашними тапочками в коридоре, потом послышалось щелканье замков. Посторонившись, пропустил его в квартиру и закрыл за ним дверь.

Уже через полчаса, попрощавшись с Митрофаном Александровичем и оставив ему ключи, я покинул квартиру, ставшую для меня на сутки домом. До вокзала меня вез троллейбус, которого, к счастью, не пришлось долго ждать в сырости и холоде позднего осеннего дня. Солнце снова скрылось за низкими облаками, оставив в мире место лишь унылой серости. Мне постоянно приходилось бороться с сонливостью: когда ехал в троллейбусе, когда сидел в пластиковом кресле в зале ожидания на вокзале и когда садился на свой поезд, отправляющийся в Киев. Непринятые звонки на моем сотовом никуда не делись, но первым делом я набрал номер же-

ны.

– Привет.

– Привет, любимый.

– Как у вас дела?

– У нас все хорошо. Как ты?

– У меня тоже все хорошо. Сейчас уже в поезде, жду отправления.

– Замечательно. Во сколько приезжаешь?

– Рано утром. Вы будете еще спать.

– Папа! Папа! – радостный голосок в трубке.

– С тобой хотят поговорить, – теплая улыбка в голосе.

– Давай.

– Папа, привет, – тоненько пропищала младшая, не выговаривая «р».

– Привет, малышка, – губы сами собой растянулись в улыбке. – Как у тебя дела?

– Хорошо, – смешно сказала она.

– Что ты делаешь?

– Играю.

– Ты уже кушала?

– Да, кашу и бананчик, – и сразу попрощалась: – Я тебя обнимаю, целую. Пока!

– Ты не замерз там? Поел? – взяла трубку жена.

– Нет, не замерз, – ответил и добавил полуправду, – да, поел.

Трудно было назвать кофе с печеньями едой, но мне кусок

в горло просто не лез.

– Старшая дома? – спросил я.

– Нет, на занятия уехала.

Молчим, слушая дыхание друг друга, и я, наконец, про-
изнес:

– Ну, хорошо, Таня, завтра ждите меня.

– Пока, любимый. Целую. Счастливой дороги.

– Пока, любимая. Спасибо.

Поезд отправился вовремя. В купе, кроме меня, был еще
один пассажир – полноватый мужчина с добродушным ли-
цом и пышными усами.

Я с большим трудом удержался от того, чтобы моменталь-
но не заснуть и, выбрав из списка пропущенных звонков но-
мер Семена, набрал его. Спустя несколько секунд женский
голос сначала на русском, а потом на английском языках со-
общил, что вызываемый абонент не может принять мой вы-
зов.

Следующим из неотвеченных вызовов, кому я позвонил,
был Паша, брат Миши. Трубку долго не брали, и я мысленно
хлопнул себя по лбу – в Хабаровске сейчас была глубокая
ночь. Наконец, гудки прервались, и сонный голос хрипло и
невнятно ответил:

– Алло.

– Привет, Паша. Это Максим, – мне с трудом удалось
скрыть разочарование от того, что трубку взял не Миша.

– Да.

– Извини, что так поздно. Ты звонил мне. Есть какие-то изменения в состоянии Миши?

– Да, я звонил, – сонно пробормотал голос. – Миша еще в коме, и врачи до сих пор не знают, что с ним. Специалист, которого они вызвали, раньше срока приехать не сможет.

– Понятно.

Он замолчал, и я уже подумал, что Паша заснул, но он вдруг спросил:

– Максим, ты что-то знаешь?

– Ты о чем?

– Не знаю, не уверен... Кто такие Плетущие?

– Кто? Плетущие? – всю мою сонливость, как рукой сняло.

– Да. Ты не знаешь?

– Нет. В первый раз слышу. И кто это?

– Я сам не знаю, – сожаление в его голосе. – Миша на днях упомянул о них вскользь, но я так ничего и не понял, а когда стал расспрашивать, брат сделал вид, что не слышит меня.

– Нет, я ничего ни про каких Плетущих не знаю, – и сразу добавил: – Ладно, Паша, извини, что разбудил тебя. Если будут какие-нибудь изменения в состоянии Миши, звони мне в любое время суток.

– Хорошо. Пока.

– Пока.

Почему вдруг Миша заговорил о Плетущих с братом? В общении с кем бы то ни было эта тема – табу. Неужели мой

друг был так встревожен или напуган, что забыл о запрете?

Оставался еще только один человек, чьи несколько звонков высвечивались непринятыми, и сейчас я с замиранием сердца слушал в трубке длинные гудки.

– Алло, – ответил мне с едва заметной хрипотцой голос.

– Алло.

– Привет! Ты куда пропал? Весь день тебе звоню!

– Здравствуй, Соня, – тихо сказал я.

Трубка промолчала, будто недоуменно, а потом с тревогой спросила:

– У тебя все в порядке?

– Да, – успокоил ее. – У меня все в порядке.

– Я слышала про Мишу, что он не выходит на связь.

– От кого ты это слышала?

– От Семена. Он много чего еще рассказал, но не уверена, что все поняла правильно. Что у вас произошло?

– Миша в коме.

– Что? Как это случилось? – быстро спросила она.

– Долго рассказывать. И не по телефону.

– Ты пытался добраться до него? – мы оба поняли, что имелось в виду.

– Да, но пока ничего не получилось.

– У тебя? Не получилось? – откровенно недоуменно переспросила она.

– У меня, – сухо ответил я.

– Кто? – только и поинтересовалась Соня.

– Я не знаю. Меня вообще закинуло в такие места, что едва выбрался.

– А потом?

– Потом мне не дали.

– Как так?

– Это долгая история. Я же говорю тебе.

– Что думаешь делать? – после недолгого молчания спросила Соня.

– Отдохнуть, – признался. – Я уже почти двое суток не могу нормально поспать.

– Это из-за Миши?

– Из-за него тоже, – я промолчал о том, что каждую ночь меня затягивало в какие-то кошмары, и я не мог с этим ничего поделать.

– Ты сейчас где?

– В командировке, в Минске, но уже в поезде. Еду домой, в Киев.

– Я приеду, – меня согрела ее забота.

– Не нужно. Боюсь, это не поможет.

– Я все равно...

– Соня, – перебил ее, – приезжать не нужно. Вряд ли это хоть что-то изменит. К тому же, если ты не забыла, Учительница тоже живет в Киеве. Вот к ней я и обращусь за помощью, если сам не справлюсь.

В трубке повисло долгое молчание, которое я понял по-своему.

– Соня, не обижайся...

– Ты еще не знаешь? – перебила она меня.

– Что не знаю?

– Марина Яковлевна... – девушка запнулась.

– Что Марина Яковлевна? Говори! – плохие предчувствия взбудоражили меня, отогнав прочь вялость и сонливость.

– С ней все в порядке, – поспешила успокоить меня Соня, – но у нее в семье большое горе.

– Что случилось?

– У нее сын умер.

Оба молчим.

– Поэтому думаю, что будет лучше, если я приеду в Киев. Заодно дочек твоих и Татьяну проведаю. И не спорь. Да и Учительнице сейчас просто не до нас. Ну а мы ей поможем, чем сможем.

– Не до нас, – согласился я невесело. – У нее вроде четыре сына.

– Пять, – поправила меня она.

– Я вообще их не знаю.

– Я тоже.

– Хорошо, Соня, приезжай.

– Возьму Семена. Сергей тоже собирался приехать в Киев.

И Катя.

– Ну уж нет. Место найдется только для тебя, пусть в гостинице живут или квартиру снимают, – проворчал я, а в душе я ликовал от счастья, что все они, мои друзья, были жи-

вы и здоровы, и что совсем скоро я смогу их всех увидеть. – Когда похороны?

– Не знаю, поэтому и звонила тебе, чтобы ты у Учительницы узнал. Ты не отвечал, и я связалась с Рыжим – вы же с ним больше всех общаетесь. Но он сказал, что ты в Минске, в командировке.

– Да, по работе нужно было – оборудование смотрел.

– Ясно. Семен мне рассказал в двух словах про сон Миши, про то, как кто-то использовал его, Рыжего, внешность, про какого-то старика – в общем, все, о чем ты сам ему рассказал. Но я так и не поняла, что это за женщина снилась Мише, та, у которой были цифры на лбу?

– Я и сам пока не во всем не разобрался, – честно признался я, – и не все понимаю.

– Это ты-то? Ты же самый талантливый из нашей группы, – ее слова прозвучали без тени иронии.

– Спасибо, но это не так.

– В смысле? – не поняла Соня. – Ах, да... Ты про Клауса? Жаль его, конечно, но про мертвых или хорошо, или ничего, так что я промолчу.

Промолчал и я, но по другой причине. Не нужно было сейчас никому знать, что он жив. Даже, если бы сам Клаус не попросил меня об этом одолжении. Слишком много странного происходит в последние дни. Странного, запутанного и пугающего.

– Ты расскажешь мне эту долгую историю? – вывела меня

из задумчивости девушка.

– При первой же возможности, – заверил я ее.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Хорошо. Значит, встречай нас с Семеном послезавтра утром – мы выезжаем завтра.

– Постелю ему на коврике в прихожей.

– Как раз для него.

– Я не смог дозвониться до него, обрадуй Рыжего сама.

– С огромным удовольствием.

– Тогда пока?

– Ты в порядке? – внезапно спросила Соня.

– Уже говорил.

– У тебя очень усталый голос.

– Я все расскажу, помнишь?

– Да, да... Тогда пока.

– До послезавтра.

– До встречи. Счастливой дороги, – пожелала она напоследок.

– Спасибо, – сказал я в уже отключенный телефон. Положил его в карман и вышел из тамбура, куда выходил для разговора. Пол под ногами вел себя, как пьяный, сбивая с шага и заставляя хвататься за поручни вдоль стен. Я купил у проводника чай и вернулся в купе.

Ноябрьский вечер вступил в свои права быстро и неотвратимо. В окне, через которое еще полчаса назад можно было

наблюдать проплывающий пейзаж, сейчас отражался лишь свет настенных ламп, да собственное лицо. Похоже, я задремал, просто сидя на своем месте, на нижней полке. Сосед по купе читал какую-то книгу в мягкой обложке и лишь бросал на меня короткие взгляды, когда я выпадал из полудремы. Потом он снова возвращался к чтению, поправляя массивные очки на переносице. До границы было еще около трех часов. Или больше? Не уверен, а проверять – лень. Нет, не лень, просто сил нет вставать и выходить в коридор, чтобы посмотреть на расписание движения поезда. Нужно отдохнуть.

Опасаясь, что меня снова, помимо воли, затянет в какой-нибудь кошмар, я решил попробовать то, что обычно использую лишь во сне. Мне пришлось приложить огромные усилия, чтобы моментально не заснуть, едва я принял горизонтальное положение. Тем не менее, мне удалось сосредоточиться на предстоящем действии. Я отрешился. Отрешился от окружающего мира, от мерно покачивающегося вагона, от света лампы, от перестука колес... Я никто. Никто без мыслей и желаний. Я пустота. Я вакуум. У меня нет никаких эмоций. Я ничего не чувствую... Глухое забытие навалилось на меня и смяло несопротивляющееся сознание, как лист бумаги.

Несколько часов пролетело, как один миг. Меня разбудил голос проводника, громко предупреждавшего пассажиров вагона о скорой остановке на границе. Что же, прием,

который используется Плетущими для маскировки в снах от тварей, питающихся человеческими эмоциями, сработал, потому что ни в каком сне я не был. Я отдохнул, а сонливость и тяжелая усталость наконец исчезли. Еще пару часов такого отдыха, и я буду, как новенький.

Пересечение границы со всеми проверками, как и в прошлый раз, заняло почти полтора часа. Все это время пришлось просидеть в купе, листая страницы невесть как оказавшегося в одном из карманов сумки журнала с кроссвордами позапрошлогодней давности.

Ну, вот граница осталась позади. До прибытия в Киев еще достаточно времени, чтобы я смог отдохнуть и набраться сил. Мое отношение к угрозе постороннего вмешательства в собственные сновидения было более чем серьезным, поэтому прежде чем «отключиться» от яви, забыться сном без сновидений, чтобы подарить сознанию столь желанный отдых, я проделал те же манипуляции, что и несколько часов назад. Но в последний момент собственное подсознание сыграло со мной злую шутку, подсунув яркие образы из сна о мертвом городе. И вместо того, чтобы погрузиться в бесчувствие на оставшееся до прибытия в Киев время, я снова оказался там, откуда с таким трудом выбрался.

Глава 4

... Хромая, я поднялся по ступеням и через дверной проем попал в коридор с белыми стенами. На полу – паркет, а на потолке горят обычные лампы в простеньких плафонах. Окон здесь не было. Оборачиваюсь. Клаус стоит на прежнем месте и с отрешенным видом смотрит в окно. Я пожал плечами и, придерживаясь рукой за стену слева, зашагал вперед. Через полтора десятка метров коридор под прямым углом повернул налево. Шатаясь от усталости, я прошел по нему до следующего поворота, но уже направо. Шел до самого конца, пока не попал в небольшую комнату. Равнодушно оглядел ее, но ни зеленой, ни какой-либо другой двери не увидел. С вялым интересом я посмотрел на единственное окно в стене. Мысли устало заворочались в голове, просчитывая мой маршрут от лестницы сюда. Сейчас я нахожусь в условном центре этажа, поэтому никаких окон здесь быть не может. Но оно есть. Вырублено в стене и закрыто обычной деревянной рамой с вставленным в нее обычным стеклом. Рядом с окном стоят два неудобных даже на вид деревянных стула с высокими спинками. У меня не осталось сил, чтобы удивляться, пугаться или злиться. Ноющая боль в ноге заставила пройти к стулу, но прежде чем опуститься в него, я, взявшись за ручки, распахнул настежь обе оконные створки. Сел. «Достал» сигарету и закурил, выпустив дым. Вместе с

обычным городским шумом в окно ворвался свежий ветер и охладил кожу лица. Я снял шлем, подставив сквозняку мокрые волосы.

Снаружи раскинулся город. Красивый, зеленый и живой город. Окно выходило на небольшой, но уютный парк, в котором, покачивая пышными кронами, на ветру шумят деревья, в котором по аккуратным дорожкам, вымощенным светлым камнем, прогуливаются, не спеша, самые разные люди. Вдоль дорожек часто стоят скамейки, на некоторых из них сидят люди. Сразу за парком начинается озеро. Оно сверкает и искрится, отражая свет по-летнему яркого и высокого солнца. Вокруг парка стоят невысокие дома из красного кирпича. А где-то далеко за озером и протянувшейся слева направо реки видны другие здания. Они находятся уже по другую ее сторону, за виднеющимся мостом, по которому едут автомобили, грузовики и автобусы. И над всем этим простирается удивительной чистоты светло-голубое небо с редкими барашками белых облаков.

Я совершенно не задумываюсь о природе наблюдаемого явления. Я просто отдыхаю. Отдыхают мои глаза, уставшие от серо-бурого однообразия мертвого города. Отдыхают мои уши, жадно ловящие самые разнообразные звуки. Отдыхает мое обоняние, утомившееся от постоянно лезущей в нос и рот пыли. Отдыхает моя душа. Ледяное безразличие, охватившее меня, оттаивает под теплым ветром и солнечным светом. Но тоска сковывает сердце и сдавливает грудь. Лица

друзей встают передо мной. Они смотрят на меня, хмурятся, смеются, ворчат, плачут, радуются, улыбаются... Хочу сказать им что-нибудь, но не могу подобрать слов, и они снова мелькают перед моим мысленным взором, но уже совсем другие: бледные, осунувшиеся, изможденные и смертельно уставшие лица. Последним дольше всех держится оно, с ярко-голубыми газами. Они смотрят на меня остановившимся взглядом и стекленеют... А я так и не убрал с ее лица упрямый светлый локон...

Стоп! Стоп! Стоп!

Что за...?!

Картинка перед глазами неподвижно замерла, будто неведомый оператор нажал на «паузу». Голубь, пролетающий сейчас как раз мимо окна, замер в воздухе, завис в нем, не шевелясь. Не знаю, чему я больше удивился: тому, что снова оказался в мертвом городе и мне снова приходится переживать все тогдашние эмоции и ощущения, или же тому, что с такой охотой мне повинуется этот сон. Или это не просто сновидение? Может быть, мое сознание, уже немного отдохнув, таким вот неожиданным способом обрабатывает информацию?

– Во-первых, – сказал я сам себе, – никто не погиб.

Более чем странно пытаться убедить себя в том, что знаю, но во что еще не верится в силу переживаемых сейчас эмоций.

– Во-вторых, все это уже было... И все мои друзья живы, –

продолжил твердить я.

Усталость, тоска, скорбь и безысходность, овладевшие моей душой, неуверенно заколебались, и вот они уже отступили под натиском совсем свежих воспоминаний. Самое яркое из них – телефонный разговор с Соней. Спустя минуту я был уже практически спокоен. Встал со стула и, выглянув в окно, стал рассматривать зеленый парк внизу, искрящуюся в солнечных лучах поверхность спокойного озера, дома вдалеке. Нога больше не болела, да и вообще я чувствовал себя прекрасно: ни капли усталости, ни грамма печали. Отошел от окна и выглянул в коридор. Не далее, чем в десятке метров, застыл Клаус с поднятой в шаг ногу. Признаться, я впервые оказался в ситуации, когда могу заново пережить свои воспоминания, имея над ними полный контроль. Как интересно. Но сейчас не было времени на исследования, изыскания и эксперименты.

Повинуясь моей воле, мир вокруг ожил, наполнившись звуками, запахами. Перед глазами что-то будто мелькнуло, когда я отпустил время. Безмолвная доселе тишина взорвалась десятками звуков, доносящихся через открытое окно. Клаус в коридоре ожил и зашагал. Не обратив на меня ни малейшего внимания, он прошел мимо и уселся на свободный стул у окна. Я не сразу понял, что произошло: на соседнем с Клаусом стуле, вытянув ноги, сидел человек, про которого можно сказать только одно – он смертельно устал. Если бы я не знал, что у него темные волосы, можно было бы подумать,

что он седой, но то пыль укрыла его коротко стриженные волосы. Карие глаза, а я знаю, что они карие, были полуприкрыты, а в уголках губ спряталась вселенская печаль и тоска. Мне видны разводы на его грязном лице – это следы пота. Его одежда была невероятно грязна, а высокие ботинки облеплены уже высохшей грязью. Разумом я понимал, что это я сижу на том стуле, но поверить и принять подобное оказалось неожиданно сложно.

– Тебе нравится? – негромко обронил Клаус, кивнув на окно.

Тот я устало вздохнул, но спросил:

– Что это за место?

Его собеседник не спешил отвечать на вопрос и через какое-то время спросил сам.

– Прошу тебя выполнить свое обещание. Расскажи мне то, что обещал.

Смертельно уставший человек лишь едва заметно пожал плечами и коротко сказал:

– Клаус, ты мертв.

Я и сейчас подсознательно ожидал бурной реакции, но вместо этого Клаус только горько усмехнулся и попросил:

– Расскажи, пожалуйста, как это произошло.

Оружейник безучастно посмотрел в окно. Его глаза затуманились воспоминаниями, и он начал рассказ. Я знал, что именно он говорит, и выслушивать это во второй раз у меня желания не было. И время, повинувшись моей воле, ускорило

свой ход, оно скрыло звуки и погрузило окружающий мир в безмолвную тишину ускорившихся событий. Когда солнце за окном вдруг потонуло в налетевших неведь откуда низких тучах, я замедлил бег времени. Вернулись звуки, и почти сразу оглушительными раскатами, от которых задрожало стекло в распахнутой раме окна, взорвался гром. Наверху снова сверкнуло, и снова небо загремело. Начался дождь. Очень быстро он превратился в настоящий ливень, и вот уже за окном встала настоящая стена, сквозь переливающиеся шторы которой деревья в парке были едва различимы. Снова прогремело, грозно и страшно, но люди у окна не обратили на стихию никакого внимания, только Оружейник отодвинулся подальше, чтобы вода, попадающая внутрь, не намочила его. Он закончил свой рассказ и сейчас, устало откинувшись на спинку стула, не спеша курил свою сигарету.

– Ты считаешь меня созданием? – Клаус первым нарушил молчание.

– Да, – последовал безразличный ответ.

– И кто же меня создал?

– Я думал, ты мне скажешь об этом, – Оружейник оторвал пустой взгляд от окна и поглядел на Клауса.

Тот лишь покачал головой:

– Ты так уверен в своей правоте? А если ты ошибаешься?

– Для этого нет причин.

– А все-таки.

Оружейник испытующе посмотрел на своего собеседника

и произнес, наконец:

– Будет лучше, если ты сам все расскажешь. Я свое слово сдержал.

За окном снова сверкнуло, и по миру раскатился оглушительный гром. Слышно было, с какой яростью била в стены здания вода, но ничем, кроме небольшой лужи у окна, она не могла угрожать сидящим людям.

– Я люблю дождь, – неожиданно начал мой собеседник, когда утихли раскаты. – Дождь очищает и смывает всю грязь. Этот город, – он кивнул на окно, – мой город. Он никогда не спал, как не могут одновременно спать люди из разных частей света. Я создал его. Здесь живут... жили люди, которым я в свое время помог избавиться от кошмаров, ночных ужасов. Засыпая там, в реальном мире, их сознания переносились сюда. Тут они жили так, как хотели того сами. Они занимались, чем хотели. Здесь они могли найти свою любовь и на самом деле находили ее...

Клаус замолк и невидяще уставился в окно, за которым бесновалась стихия.

– А потом их убили, – глухо промолвил он, прикрыв глаза. – Тот, по чьей вине, нам пришлось через столькое пройти за эту ночь, нашел это место. Он уничтожил мой город, превратив его в мертвые руины. Если бы только я знал, что так все обернется. Я бы уничтожил этого...

– Постой, – прервал его Оружейник. – Сколько людей обитало в твоём городе?

– Что? – переспросил Клаус, вынырнув из своих мыслей.

– Я спрашиваю, сколько людей жило здесь? Скольких ты избавил от кошмаров, скольким ты помог?

– Три тысячи пятьсот семьдесят два человека и пятьдесят один страж, – ответил он без запинки. – Они жили, окружая себя большим свободным пространством. Бывало так, что в многоэтажном доме мог обитать один человек. А бывало и так, что...

– Подожди, – моментально подобравшись, оборвал его собеседник. – Как такое может быть? Ты же давно погиб, сорвался в пропасть. Я сам видел! О чем ты говоришь? Какие три тысячи?

Какое-то время Клаус молчал, наблюдая за недоумением Оружейника, а потом устало и горько улыбнулся и негромко сказал:

– Здесь и начинается для тебя самое интересное.

Он снова умолк, но совсем ненадолго. Глядя в окно, собирался с мыслями.

– Чтобы рассказ был полон, чтобы ты понял меня, я начну с тех пор, когда мы еще только учились искусству Плутующих под руководством нашей Учительницы, Марины Яковлевны... Знал ли я, что все так получится? Мог ли я предположить, что события примут такой оборот? Много раз я спрашивал себя об этом, но никогда ответы на эти вопросы не были однозначны, – он снова горько усмехнулся и продолжил: – Вы никогда не любили меня, за глаза называя Лю-

бимчиком. Вы – это ты, Семен, София, Катерина и Сергей. Вы думали, что мой талант – это дар от рождения... Нет, об этом, пожалуй, чуть позже. Конечно, я давал достаточно поводов для того, как вы ко мне относились, но все равно было обидно. Было очень обидно быть белой вороной в и без того небольшой группе. А у детей и подростков, которыми мы тогда были, эмоции по отношению друг к другу, а особенно ко мне, никогда не скрывались.

Клаус недовольно прищурился и скривил рот, плотно сжав губы. Я видел, что ему неприятно вспоминать, но он продолжил:

– Ты должен понять, как мне было тяжело, и как меня тяготило подобное отношение. Ваши подначки, обидные розыгрыши, нескрываемая неприязнь...

– Если ты хорошо подумаешь, то поймешь многое из того, что сейчас осуждаешь, – спокойно вставил Оружейник.

– Уже. Неужели ты считаешь, что все эти годы я жил этими не самыми лучшими воспоминаниями? – искренне удивился его собеседник, на что мой двойник лишь пожал плечами. После короткой паузы Клаус вновь заговорил: – Конечно, со временем и с возрастом я многое переосмыслил и сделал для себя определенные выводы. Но сейчас я хочу, чтобы ты поставил себя на мое место, на место того меня, который учился вместе с вами у Марины Яковлевны, того меня, который, по сути, был изгоем среди вас. А я ведь ничем не отличался, был таким же, как все.

– Дети жестоки, – задумчиво произнес мой двойник.

– О да, дети жестоки, ты заметил совершенно верно, и эту жестокость видно только со стороны... или со временем.

Дождь за окном усилился настолько, что в распахнутое окно попадали уже не редкие капли, а целые струи воды. Не стовариваясь, собеседники отодвинулись от окна еще дальше. Казалось, что гроза бушевала прямо над домом, а молнии вспыхивали так близко, что можно было дотянуться до них рукой. Оглушительные раскаты грома сделали на несколько минут невозможным продолжение беседы, и люди просто смотрели в окно, размышляя каждый о своем. Несмотря на сильнейший ливень и порывы холодного ветра, никто не закрыл распахнутое окно. Клаусу нравится дождь, как сказал он сам, ну а мне он нравится во сто крат сильнее.

– Я любил ее, – едва слышно произнес он в краткой паузе между громовыми раскатами.

– Кого? – Оружейник в недоумении вскинул брови.

– Это был такой возраст, когда кажется, что будешь жить вечно, и весь мир принадлежит только тебе. Перед тобой открыты все дороги, и на всем свете нет ничего невозможного.

В его руке возник стакан с водой, и он сделал из него несколько долгих глотков.

– Я любил ее, – снова повторил Клаус, а Оружейник смотрел на него со все возрастающим удивлением и, не получив ответа на свой вопрос, ждал продолжения.

– Мне нужно было или все, или ничего. Это была любовь

с первого взгляда, и она ни на миг не угасала и со временем только крепла. Даже сейчас... Не знаю... – он сбился с мысли и растеряно огляделся, словно не понимая, где находится. Клаус снова приложился к стакану, вытер ладонью губы и продолжил:

– Я любил ее. Я любил Соню. Мне было очень больно, когда она совершенно не обращала на меня внимания и даже наоборот – всячески демонстрировала мне свою неприязнь, какое-то даже пренебрежение. А ведь я делал все, чтобы привлечь ее внимание, чтобы она заметила меня, выделила из всех.

– Она и заметила, – негромко вставил его собеседник.

– Да, но только не так, как того хотел я, – заметил Клаус. – Я из шкуры вон лез, чтобы быть лучше, искуснее, сильнее остальных, талантливее. Чтобы она оценила.

– Ты таким и стал, – произнес Оружейник. – Вот только ты перестарался со своим усердием и вместо того, чтобы вызвать к себе симпатию...

– Да знаю я, – зло перебил его Клаус, но сразу же сменил тон. – Извини... Так вот, Марина Яковлевна сразу обратила внимание на мои успехи и стала заниматься со мной более интенсивно.

– Она занималась с тобой индивидуально?

– Совершенно верно.

– И как сильно отличалась твоя персональная программа обучения от общей?

– Незначительно. Учительница делала акцент на практической отработке полученных знаний. Она заставляла максимально эффективно работать с собственным воображением... Вообще, сдача выпускного экзамена была для меня чуть ли не формальностью, потому что на тот момент мои способности Плетущего были более чем удовлетворительными, чтобы сдать его.

– Интересно получается.

– Очень. Но позволь я продолжу.

Оружейник кивнул, «достал» новую сигарету, закурил. Наблюдая за ним, Клаус сказал:

– Раньше, во время учебы, я был уверен, что сильнее тебя. На самом деле, ты был ничем не лучше меня. Так я считал. Спустя годы я понял, что ошибался. Ты ведь был просто помешан на огнестрельном оружии, а работа с ним требует ювелирной точности. И, конечно же, скорости. Вспомни, ты лучше и быстрее всех справлялся со всеми этими пистолетами, автоматами и всем остальным. А чего только стоит работа со сплавами металлов, из которых сделаны все детали, а составы взрывчатых веществ? Никто не способен сравниться с тобой в работе с оружием. Плести ткань сна, работать с его материей: выращивать траву, деревья, поднимать горы, запускать реки – все это не требует того мастерства, что создание оружия.

– Я имею слабое представление о лекарствах, – сказал Оружейник.

– Потому что это тебе не нужно. В случае ранения ты всегда можешь покинуть сон.

– Как оказалось, не всегда, – последовал угрюмый ответ.

– Исключения бывают, – парировал Клаус.

– Если бы мои познания в области медицины были на должном уровне, Соня бы не умерла.

– Поверь мне, – негромко произнес Клаус после короткой паузы, пристально глядя в глаза собеседнику, – ее бы уже ничто не спасло.

– Что ты ей вколол там, на лестнице? – вдруг спросил Оружейник.

– Адреналин, – ответил Клаус и добавил: – Он должен был помочь.

– Почему же ты раньше не сделал эту инъекцию? – вопрос прозвучал бы угрожающе, не будь его собеседник таким уставшим.

– Не знаю... Я растерялся. Все произошло так быстро.

Взгляд Оружейника стал злым, и он продолжал смотреть на Клауса с нескрываемой неприязнью.

– Поверь мне, – он поднял ладони, – я действительно не знал, что делать. И сейчас это не имеет значения.

– Почему это? – сквозь зубы бросил Оружейник.

– Потому что Соня жива. Как живы и все остальные: Сергей, Катя, Семен.

Мой двойник изменился в лице, я знал, как он испугался поверить этим словам.

– Докажи, – хрипло оборнил он.

– Когда я расскажу все, что хотел, ты поймешь все сам, – Клаус постарался говорить спокойно, чтобы не провоцировать своего собеседника. – Позволь, я продолжу. Как я говорил, я был влюблен в Соню и в меру своих способностей старался всячески привлечь ее внимание. В итоге я стал чужим для вас, выскочкой, Любимчиком, которого всегда хвалила и выделяла Марина Яковлевна. А Соня, мало того, что не отвечала мне взаимностью, всячески демонстрировала свою симпатию тебе.

– А вот это уже чистой воды выдумка, – резко оборвал его Оружейник, – ничем не обоснованные пустые домыслы.

– Ты ошибаешься, – Клаус покачал головой.

Я воспользовался своей властью и остановил время. Дождь, льющий за окном, превратился в тысячи и миллионы причудливых капелек, застывших в воздухе. Ожившие воспоминания передо мной, играющие свои заранее расписанные роли, замерли неподвижно, и я вновь удивился уникальной возможности, что позволила мне столь необычным образом просматривать события, совсем недавно произошедшие со мной. Просматривать, анализировать, делать выводы. Я совершенно точно знал, что Клаус ошибается – между мной и Соней не было никаких чувств. Мы были друзьями. Были и остаемся. Нас многое связывает и если уж говорить о ярлыках, то в данном случае применим «младшая сестра». Признаться, мне никогда и в голову не приходило,

что между нами может что-то быть. Это, наверное, потому, что тех чувств, которые мне пытается приписать Клаус, мне хватало в реальной жизни, наяву. С Катей тоже были дружеские отношения, хотя и не такие теплые, как с Соней. Ей не было никакого дела до всех этих переживаний и томлений сердца, как, впрочем, и остальным. Мы учились, и времени на какие-то отношения просто не было. Рыжий. Я вообще удивляюсь, как он с таким легкомысленным отношением к жизни умудрился жениться, да еще едва ли не раньше меня. Угрюмый. Сергей всегда чем-то недоволен, но и он, как ни странно, довольно быстро нашел себе пару. Катя. Все, что я знаю, так это то, что она очень нравилась Мише, и он даже собирался ухаживать за ней, благо в реальном мире они живут сравнительно недалеко друг от друга.

А с Соней мы всегда был друзьями. Зная, что я всегда выслушаю ее, в короткие перерывы между уроками и часто на практических занятиях, она успевала рассказывать мне о себе все, что происходило с ней наяву: про школу, про подруг, про родителей, про новинки кино. Однажды даже поведала о каком-то парне, с которым она встречалась. То ли они учились вместе, то ли жили рядом – сейчас не помню.

Звуки вернулись одновременно и все равно неожиданно, когда я спустил время с привязи, и оно свободно побежало дальше.

– Это ты ошибаешься, – твердо сказал Оружейник и добавил: – Впрочем, думай, как хочешь. У меня нет ни сил, ни

желания убеждать тебя в обратном.

Клаус ничего не ответил и долгую минуту испытующе смотрел на собеседника.

– Ты говоришь правду, – наконец выдал он, на что Оружейник лишь хмыкнул и щелчком запустил в окно недокуренную сигарету. – Как бы то ни было, меня безумно злило то, что Соня отдала предпочтение не мне, а тебе. Как я тогда думал.

Он замолк, ожидая реплики собеседника, но мой двойник только выжидающе смотрел на него, и Клаус продолжил:

– На носу был выпускной экзамен, к которому я был прекрасно подготовлен. Должен сказать, что та обида, которую я чувствовал к тебе и к Соне, была прекрасным стимулом в учебе – я хотел доказать, что... в общем, ясно. Для меня экзамен был последней возможностью привлечь к себе внимание Сони. Я хотел показать, каких успехов достиг, каким мастерством обладаю. Я хотел...

– Она, как и все мы, и без того прекрасно знала что ты был лучшим среди нас, – перебил его Оружейник, устав от признаний. – Тебе нужно было впечатлить ее не своей силой или искусством, а элементарно попробовать оказать ей хоть какие-то знаки внимания.

– Сейчас я это понимаю, – согласился Клаус спокойно, – но тогда я думал о другом.

– Послушай, – обратился к нему Оружейник, – я, конечно, понимаю, что ты сильно переживал и даже страдал от нераз-

деленной любви. В другое время и в другом месте я бы, возможно, с удовольствием послушал тебя, но мне непонятно, какое это имеет отношение к происходящему. Я бы понял, если ты попытался каким-то образом напакостить мне, навредить, отомстить, в конце концов, но ведь этого не было. К чему вообще ты мне все это рассказываешь?

– Да, ты прав. Я слишком увлекся, рассказывая о себе и о своих переживаниях, но надеюсь, ты поймешь, что именно эта история стала толчком для дальнейших событий, – Клаус в несколько глотков допил оставшуюся в стакане воду и под шум непрекращающегося дождя продолжил свою исповедь. – Как ты помнишь, экзамен длился семь дней, но уже на третий я вдруг понял, что у меня ничего с Соней не получится. Она не просто игнорировала, но вообще старалась держаться от меня как можно дальше. И как можно ближе к тебе.

– Честно говоря, я даже не обратил на это внимание и вообще не рассматривал те события с такой точки зрения, но со стороны, наверное, виднее.

– Создавалось такое впечатление, знаешь ли, – едко бросил Клаус. – Так вот, в тот момент, когда я понял всю бесперспективность своей затеи привлечь внимание Сони, я решил уйти.

– А вот с этого места поподробнее.

– Я понимал, что если я просто уйду, экзамен будет провален, и его придется сдавать через год. Находиться с вами

рядом еще столько времени было выше моих сил, к тому же Соня... Мне удалось заставить себя не бросить группу – все-таки я должен был стать Плетущим официально. Ты не представляешь, как мне было больно и обидно видеть... – Клаус осекся на полуслове и какое-то время молча глядел в окно. – Видимо, Бог есть на свете, потому что иначе объяснить то, что произошло, то, что ты должен помнить, нельзя.

– Я догадываюсь, о чем ты говоришь, – задумчиво произнес Оружейник.

– Да, волею судьбы я оказался в критическом положении, но на тот момент я был рад, что так получилось. Я хотел уйти эффектно, ярко, и чудовищный монстр, который стал нашим последним испытанием, невольно помог мне в этом.

– Все эти годы я считал тебя мертвым, – устало прокомментировал его собеседник.

– Знаю, – кивнул Клаус и горько усмехнулся. – Я так надеялся, что Соня будет горевать обо мне, что она будет жалеть о том, что относилась ко мне с таким пренебрежением... Как же я ошибался! Каким глупцом я был! Ничего, кроме какой-то сиюминутной жалости она не испытала...

– Постой, – перебил его Оружейник, – откуда ты мог знать, что Соня чувствовала? Вы же больше не виделись. Или виделись?

– Нет, с тех пор мы с ней не встречались, и она, как и ты, считает меня мертвым.

– В таком случае, откуда ты можешь знать, какие Соня

испытывала чувства в связи с твоей якобы гибелью?

– Об этом я узнал от Марины Яковлевны, – последовал ответ.

– Учительница знала, что ты жив? – я вспомнил, как тогда, во время этого разговора, удивился этой новости.

– Да, она смогла найти меня.

– Как? На вызовы по табичу ты не отвечал. Как еще можно найти Плетущего?

– Такие способы есть, – уклончиво ответил Клаус.

– И ты их знаешь?

– Да, но сейчас не о том речь.

– Ладно, – не сразу ответил Оружейник. – Как я понимаю, эти знания – часть той индивидуальной программы, по которой с тобой занималась Учительница?

– Да.

– И много еще у тебя таких особых познаний?

– Совсем нет, – Клаус постарался выглядеть искренним, – и раз уж мы подняли эту тему, то я должен рассказать тебе еще кое о чем, что мы не изучали на общих уроках.

Оружейник никак не прокомментировал его, молча ожидая продолжения, и Клаус сказал:

– Речь пойдет о создании различных существ, а именно своих клонов.

– Ты имеешь в виду двойников?

– И да, и нет. Ты должен знать, что любому человеку и даже твари можно придать какую угодно внешность, например

свою. Таким образом, можно обмануть кого-то, кто не знает тебя достаточно хорошо или не знает вообще. Ведь от изменения облика сущность человека или твари не меняется. Даже обычные люди, не Плетущие, способны на подобное. Ежедневно, гложимые скрытыми страхами или достаточно сильными эмоциями, они невольно создают сотни и тысячи тварей, умудряясь при этом некоторым из них придать ту или иную вполне человеческую внешность. Не секрет, что и себя люди могут наделить иным, отличным от реального, обликом. Многие видят себя во сне просто моложе, другие способны на более существенные изменения, связанные не только с возрастом, но и с полом...

– Клаус, – перебил его Оружейник, – не нужно читать мне лекцию об изменении внешности. Я прекрасно знаю, о чем ты говоришь. Я Плетущий, не забывай, и способен работать со своим и чужими обликами.

– Да, извини, я отвлекся, – кивнул его собеседник, но продолжать не спешил и задумчиво глядел в окно, видимо, собираясь с мыслями.

Ливень снаружи заметно стих, превратившись в обычный дождь. Он уже не так неистово лил с неба, а в помещение через открытое окно попадали уже лишь редкие капли воды. Молнии не сверкали, и не грохотал на весь мир разгневанный гром. Гроза выдохлась, и ее время ушло.

– То, о чем я тебе хочу рассказать, является не совсем созданием двойников, – наконец произнес Клаус. – Когда я

сказал «клоны», я имел в виду именно клонов. В отличие от создания двойников, заключающегося лишь в придании другой внешности человеку или твари, клонирование, как оно правильно называется, совершается по иному принципу. Его суть заключается в разделении сущности человека, и этим человеком может быть исключительно Плетущий.

– Как интересно, – тихо проронил Оружейник, опустив глаза, но я знал, что он смотрел в пол только, потому что не хотел напугать Клауса, не хотел спугнуть его откровение своим гневом. Он сделал несколько глубоких вдохов, а собеседник, увлеченный разговором, совершенно не заметил едва не разразившейся бури.

– Это значит, что можно разделить сущность Плетущего на столько частей, насколько позволяют условия. Но существует ограничение, связанное с тем, что с отдельно взятым Плетущим подобное можно совершить лишь единожды.

– Ты хочешь сказать, – Оружейник уже успокоился достаточно, чтобы снова посмотреть на Клауса, – что ты, не спрашивая ни у кого разрешения, что ты бесцеремонно позволил себе работать с сознаниями других Плетущих? Что ты смог разделить сущности Сони, Семена, Кати и Сергея?

– Нет, не совсем – Клаус не спешил продолжать.

– Уточни, – резко бросил Оружейник.

– Я не работал с сознаниями ребят. Я позволил себе разделить лишь одну сущность. Твою.

Глава 5

Взгляд Оружейника остановился, а сам он задержал дыхание, осененный внезапной догадкой. Наконец, он шумно выдохнул, нахмурился и тяжело изрек:

– Продолжай. Как ты вообще смог повернуть такой... фокус.

– Разделение потоков мышления – необходимое умение в нашей работе, – начал объяснять Клаус. – Оно дает возможность работать с материей сна, то есть плести ее, сразу в нескольких направлениях. Так вот суть этого фокуса, как ты говоришь, заключается в обособлении этих разделенных потоков на самостоятельные составляющие, наделении их собственной волей...

– И собственной внешностью, – закончил за него Оружейник.

– Да, собственной внешностью, – подтвердил Клаус.

– И каждая такая составляющая не может полностью обладать всей той силой, которой владеет исходная личность, так?

– Да, это неизбежное последствие разделения сущности Плетущего, – кивнул Клаус, – а его возможности меняются обратно пропорционально количеству составляющих: чем их больше, тем меньшей силой каждая из них обладает. И наоборот – при уменьшении их количества, растет сила остав-

шихся.

– Зачем? – только и спросил Оружейник, буравя Клауса тяжелым взглядом.

– Что, зачем? – не понял он.

– Зачем это все было нужно? – начал злиться мой двойник.

Клаус с явной опаской смотрел на своего собеседника и ответил, стараясь быть максимально искренним:

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, но я сделал это для твоего же блага. Тебе грозила смертельная опасность, и я решил, что...

– Ты все усложняешь, – резко оборвал его Оружейник. – Если мне угрожала такая серьезная опасность, почему ты просто не предупредил меня? Почему ты не нашел меня, не позвонил, не написал письмо, в конце концов?

– И как ты себе это представляешь? – неожиданно горячо возразил Клаус. – «Алло, это Максим? А это Клаус. Я звоню сказать, что ты в смертельной опасности!» Так, что ли?!

Вызывающе глядя на Оружейника, он на одном дыхании выдал эту гневную тираду, но через секунду несколько раз шумно выдохнул, успокоился и уже гораздо спокойней продолжил:

– Я утрирую, конечно, но если бы я вышел с тобой на связь, ты мне не поверил бы. Ни единому слову. Но хуже всего, мое обращение могло вызвать прямо противоположный эффект – в лучшем случае, ты стал бы сторониться меня, в

худшем... не хочу даже говорить об этом, – и после короткой паузы добавил: – А вообще, у меня не было ни времени, ни возможности тебя предупредить.

В комнате повисло тяжелое и неудобное молчание, и даже заметно стихший дождь за окном звучал, кажется, робко и неуверенно, будто боясь потревожить мысли сидящих друг напротив друга людей. Тот из них, у которого были светлые волосы и такого же цвета глаза внимательно и даже настороженно следил за своим собеседником. А он, мой двойник, устало сгорбился на своем стуле с высокой спинкой и, вытянув натруженные ноги, смотрел отсутствующим взглядом куда-то в пол перед собой. Молчание затягивалось, и мне было видно, как сильно оно тяготило Клауса. Наконец, Оружейник выпрямился, откинувшись на спинку стула, поднял усталый взгляд и сказал:

– Какой же, Клаус, ты дурак. Полный и запутавшийся в собственных умозаключениях дурак. Если бы ты дал о себе знать, да еще и предупредил о грозящей опасности, я бы, конечно, сперва удивился твоему неожиданному появлению и наверняка сразу бы не поверил, но уж выслушал бы точно... Ты совершенно не изменился за эти годы и продолжаешь ставить все с ног на голову, безумно усложняя и без того непростые отношения.

Клаус не пытался спорить, молча принимая все упреки. Сейчас, когда я имел возможность наблюдать за ним со стороны, мне было видно, как тщательно он скрывал облегче-

ние. С чего бы? Неужели он думал, что я настолько плохо себя контролировал, что способен был сорваться или даже попытаться наказать его за то, что он посмел сотворить с моим сознанием? Не скрою, что меня крайне разозлило подобное вмешательство, бесцеремонное и беспардонное, но на момент самого разговора я был слишком уставшим, слишком измотанным, чтобы отдавать силы на собственные эмоции. А сейчас я воспринимал эту информацию... старался воспринимать объективно и непредвзято. Чтобы все-таки разобраться в мотивах Клауса.

– Кстати, – сказал Оружейник, – скажи мне вот что. Позапрошлой ночью я, Миша и Семен работали в одном интересном месте. Мы занимались спасением Плетущей. В том сне нас атаковало неожиданно большое количество тварей. Был бой...

– Это был я, – произнес Клаус, не дожидаясь, пока Оружейник закончит свою мысль. – Под личиной Семена был я.

Короткое молчание. Мой двойник слишком устал, чтобы удивляться, да и нельзя сказать, что тогда я был шокирован, услышав правду из уст Клауса – нечто подобное я и предполагал, ведь не зря заговорил о тех событиях.

Оружейник кивнул своим мыслям и с плохо скрываемой иронией спросил:

– Неужели вся эта конспирация была направлена на мое спасение?

– Нет, – последовал серьезный ответ, – я пытался помочь

не тебе, а женщине Плетущей.

– Ты плохо справился со своей задачей – ее порвали твари.

Клаус хотел что-то сказать, но запнулся и произнес совсем другое:

– Позволь я продолжу свой рассказ?

– Если мы вернемся к этой теме.

– Обязательно.

– Тогда – валяй, только учти, что мне надоело слушать твою историю о неразделенной любви.

– Как бы ни сложились обстоятельства, – Клаус снова сказал не то, что ожидал его собеседник, – я очень рад, что имею возможность общаться с тобой. Между нами всякое было, но сейчас, я надеюсь, мы начнем наши отношения с чистого листа.

Оружейник безмолвно кивнул, и рассказ продолжился.

– Когда я покинул вас во время экзамена, то оказался предоставлен самому себе. Неожиданная свобода пьянила и заставляла совершать самые безумные поступки, какие только могли прийти мне в голову. Нет нужды, да я просто и не хочу, о них рассказывать – к делу они никакого отношения не имеют. Я с трудом могу вспомнить лишь малую часть из них и до сих пор не могу утверждать, сколько времени я так бесился, но определенно не так долго, как сам того ожидал. Очень быстро мне наскучила абсолютная власть над собственными сновидениями, и все чаще я стал наведываться в чужие. Что толку от тех свершений, если от них не было

никакой пользы, если не считать удовлетворение собственного тщеславия? Примерно в то время, когда мне опостылело собственное могущество, и моя обида на всех вас, моих бывших одноклассников, угасла, я вспомнил, что являюсь Плетущим, хотя официально им так и не стал.

– Стал, – поправил его Оружейник. – Посмертно. После расследования твоей гибели, проведенного специальной комиссией, такое решение было принято.

– Пусть будет так, – легко согласился Клаус. – Звания и регалии для меня мало что значили и значат. Так вот, возвращаясь к рассказу, в определенный момент я для себя решил применить все те знания, что получил во время учебы. Для всех вас я был мертв и, признаться, случилось так, что я сожалел о собственной так называемой смерти, особенно, когда мне требовалась помощь. Но, так или иначе, я занялся работой Плетущего и по мере сил и возможностей справлялся с ней, смею надеяться, совсем неплохо.

– Бесспорно, – кивнул Оружейник. – Цифра в три с половиной тысячи людей, которым ты помог, говорит сама за себя. Ты не прожигал свою жизнь бездарно. Но меня интересует, когда ты успевал? Работать каждый день с новым человеком – очень тяжело, а если провести несложные подсчеты, то за эти годы ты работал именно в таком режиме.

– Более того, я же не сразу приступил к работе, а спустя лишь год после экзамена, да и то не так, как нужно.

– То есть?

– То есть какое-то время, тоже примерно год, я просто уничтожал тварей, не вникая во все тонкости ситуаций, из-за которых они появлялись. Я действовал наугад – обнаруживал в человеческом сне тварь и просто уничтожал ее. Никакой работы непосредственно с человеком я не проводил.

– Мартышкин труд, – резюмировал сказанное Оружейник.

– Так и оказалось, – не стал спорить Клаус. – Без тщательной работы с каждым человеком, страдающим от тварей, все мои усилия оказывались тщетными – спустя какое-то время вместо уничтоженных мной монстров появлялись новые.

– Дай угадаю, – вставил собеседник. – Среди тех, кого ты избавлял от страхов, нередко оказывались такие люди, которые вполне заслуживали ночных кошмаров.

– Ты прав и в этом. А когда я осознал свою неразборчивость, то решил изменить отношение к своей работе. До меня дошло, что количество – это не совсем то же, что и качество.

– Со временем количество переходит в качество.

– Да, но не само по себе. На третий год после выпускного экзамена я кардинально изменил свои методы.

– И в этом тебе помогла Марина Яковлевна?

– Она нашла меня, – кивнул Клаус. – У нас был долгий разговор. Учительница пошла мне навстречу и согласилась не рассказывать вам о том, что я жив.

– Просто согласилась, и все?

– Просто. Без каких-то дополнительных условий, если ты имеешь в виду именно их.

– Выходит, что ты по-своему подошел к проблеме с индивидуальным подходом к каждому человеку, – задумчиво произнес Оружейник, возвращаясь к теме спасенных людей.

– Именно. Я не стал утруждать себя контролем состояния каждого человека, которому помогал. После избавления его от тварей я помещал спасенного в этот город.

– Под неустанную опеку полусотни Стражей. Конечно, здесь люди могли чувствовать себя в полной безопасности. Они способны были уходить отсюда?

– Конечно. Это же не тюрьма. Многие уходили, но практически все возвращались. Вообще, из тех трех с половиной тысяч, которые проживали здесь, лишь порядка двух тысяч находились в городе постоянно. Остальные же в это время бодрствовали.

– То есть не все погибли, когда город был уничтожен?

– Не все. Но пока я не хочу снова собирать их в одном месте.

– Твое дело. Расскажи, что ты делал в Мишином сне. Откуда ты узнал, что ему снится сон про странную женщину с цифрами на лбу, Плетущую, и почему ты вообще пытался ее спасти.

– Я знал, что она попала в беду, но как раз тогда, когда пришел, чтобы помочь ей, там оказались вы с Мишей. Я не был готов к встрече с тобой, поэтому принял решение изме-

нить свой облик и стать на время Семеном.

И тогда, и сейчас что-то из сказанного им встревожило меня. Какая-то неувязка, какая-то недоговоренность заставила и сидящего напротив него Оружейника нахмурится и недовольно сжать губы. Тогда я был слишком уставшим, чтобы вникать во все тонкости беседы, а сейчас... Клаус лжет или недоговаривает что-то важное – это очевидно. Ну конечно! Как, откуда он мог знать, что Миша договаривался с Семеном о встрече? Ведь Клаус совершенно недвусмысленно объяснил нам, как смог попасть в тот сон – по описанию окружающей обстановки, особенной природы, которым Миша поделился только с Семеном. Или это был Клаус под обликом Рыжего?

– Откуда ты знал эту женщину?

– Общался с ней, – расплывчато ответил он.

– Общался, и все?

– Да.

– Что-то ты темнишь, Клаус. Что-то ты не договариваешь.

И мне это совсем не нравится.

Его собеседник пожал плечами, и только сейчас, со своего ракурса, я увидел, как Клаус скрестил пальцы на руке так, что Оружейник этого видеть не мог.

«Ах ты, жулик! Твое счастье, что я не заметил этих твоих скрещенных пальцев раньше во время беседы», – сердито пробормотал я, но Клаус, естественно, меня не услышал. Он был всего лишь ожившим воспоминанием, а не реальным

человеком.

– Как знаешь, – тем временем ответил он, – но так оно и есть.

– Ладно, допустим, – резко бросил Оружейник. – Дальше? Что было дальше?

Хотя события, о которых шла речь, происходили всего две ночи назад, но после всего того, что произошло со мной за эти двое суток, я с усилием мог вспомнить и связать общую цепь событий, не говоря уже о каких-то мелочах. А мой двойник, усталый и измотанный, и вовсе неважно соображал.

– Дальше, после нашей встречи, мы попали в поселение. Там, в одной из хижин, как ты помнишь, находилась женщина, на лбу которой горела «единица». К сожалению, я не смог сразу приблизиться к ней, по крайней мере, чтобы это не вызвало у тебя подозрений. А потом появились аборигены и их предводитель: твари и Плетущий. Ну, а дальше было то, что ты сам должен помнить – бой с монстрами.

– Миша в коме. Ничего не хочешь сказать по этому поводу?

– Я не знал, – Клаус искренне удивился.

– Ты знаешь, почему так случилось?

– Могу только предположить. У меня есть версия, касающаяся происшедших событий и смерти несчастной женщины. Ты не задумывался о том, почему именно семь дней? Почему не быстрая, а такая долгая смерть? И почему имен-

но Плетущая?

– Я хочу услышать твои выводы.

– По моей гипотезе некто, кто устроил семидневную казнь, не спешил убивать Плетущую только по одной причине – он вытягивал из нее жизненную энергию.

Оружейник лишь кивнул его словам, а я снова вспомнил тот странный канал, который увидел там, в джунглях, в хижине, где находилась несчастная женщина, и от которой он куда-то уходил. Тогда я не успел толком разглядеть его, а сделать это позже не было уже никакой возможности.

– Остается неясным, почему Плетущая не сопротивлялась, и почему она была без сознания, – задумчиво обронил Оружейник.

– Все просто, на мой взгляд. Женщина не сопротивлялась, потому что и наяву была без сознания, – высказался Клаус.

– Все семь дней?

Собеседники умолкли, но всего на десяток секунд, а затем, видимо, внезапно осененные, практически одновременно сказали только одно слово:

– Кома!

– Миша! – сразу добавил Оружейник. – Он же в коме... проклятье! Но как?! Он же не контактировал ни с кем, кроме меня и Семена, то есть тебя под его обликом.

Напряженный взгляд темных глаз остановился на Клаусе, и когда тот понял, к чему клонит его собеседник, резко вскинул ладони и быстро сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.